

18+

Илмари Одд
Безвременник для Аэлиты

Иди вперед и не оглядывайся назад

Илмари Одд

**Безвременник для Аэлиты. Иди
вперед и не оглядывайся назад**

«Издательские решения»

Одд И.

Безвременник для Аэлиты. Иди вперед и не оглядывайся назад /
И. Одд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511485-3

Героиня повести с редким именем Аэлита, встречает загадочного старика, который передает ей самое первое, потерянное издание повести А. Толстого «Аэлита (Закат Марса)». Пятнадцать лет назад какой-то старик дал точно такую же книгу ее отцу, после чего отец бесследно исчез. И вот Аэлита оказывается в странном доме и таком же странном, необычном мире, дорогу в который указывают многочисленные пометки, сделанные в книге отцом. Что произошло? Криминал? Убийство? Нет. Все куда запутаннее и неожиданнее.

ISBN 978-5-00-511485-3

© Одд И.

© Издательские решения

Содержание

Посвящается	6
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Безвременник для Аэлиты Иди вперед и не оглядывайся назад

Илмари Одд

Иллюстратор София Малютина

© Илмари Одд, 2020

© София Малютина, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-1485-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается

*моей любимой Александре,
а также всем, кто хорош таким, каков он есть,
кто всегда стремится вперед и ввысь,
всем бунтарям и бунтаркам,
чудакам и чудачкам,
пилигримам и первооткрывателям,
любителям путешествий и приключений,
всем, кто живет полной жизнью здесь и сейчас,
кто плывет против течения,
кто решительно преодолевает все жизненные невзгоды и стремится
к своей цели,
всем, кто догоняет автобус, а не ждет смиренно следующего,
всем, кто всегда смотрит в будущее с надеждой,
кто видит, что небо голубое, а трава зеленая,
и даже тем, кто видит то же самое по-другому,
но знает, что там за поворотом его ждут новые, неизведанные миры!*
Илмари Одд

ПРОЛОГ

Вы когда-нибудь задумывались о том, что в мире все не так, причем далеко не так, как вам преподносили в школе. Если задумывались, то вполне можете представить чувства человека, чьи предположения, пусть даже самые бредовые, начинают находить подтверждения.

И эти подтверждения притягивают и зовут туда, где ты ни разу не был, туда, куда зовет тебя твое сердце, твое Предназначение. И ты идешь, жертвуя всем, что тебе дорого, за чем-то, что для тебя еще дороже, еще важнее.

И ты можешь не осознавать, где грань, где та черта, которая разделяет жизнь на «до» и «после». И, в конце концов, уже начинаешь сомневаться во всем.

Хотя... Может, это лишь сон?

Нет!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Одиночество – общий удел,
Да не всякий его сознает, —
Ты себя обмануть не хотел,
И оно тебе ад создает.*

*И не рад ты, и рад ты ему,
Но с тоской безутешной твоей
Никогда не пойдешь ни к кому —
И чего б ты просил у людей?*

*Никому не завидовал ты,
Пожелать ничего ты не мог,
И тебя увлекают мечты
На просторы пустынных дорог.*
(Ф. Сологуб)

Глава первая

Я впервые увидела этого странного человека вечером, в час пик, на автобусной остановке в центре города. Возвращаясь с курсов иностранного языка, я стояла довольная собой, своими успехами в изучении английского и своим внешним видом. Этакая расфуфыренная фифа в туфельках и костюме в стиле «Тиффани». А рядом стоял он – пожилой мужчина, неухоженный и плохо одетый. Люди, до его появления плотной массой толпящиеся рядом на остановке и, вероятно, всем скопом изучившие «Теорию влияния коллективного разума на поведение индивида», одновременно решили, что это бомж, и растворились в неизвестном направлении. Остановка оказалась вдруг неожиданно пуста.

Остались стоять только я и он. Я по той причине, что ни за какие коврижки не сдвинулась бы со своего места, а «Теория влияния коллективного разума» на мне не работала. А он... Ему, как мне показалось тогда, было абсолютно все равно, что о нем думают окружающие. Хотя, скорее всего, это соответствовало действительности.

Я же была горда собой и стояла с высоко задранном носом, глядя на все и всех сверху вниз.

Но жизнь штука интересная, и она не задумываясь и не оттягивая момента, сразу же преподнесла мне свой урок.

Как оказалось, автобус мы ждали один и тот же, и, когда подошла «Единица», вошли в нее вместе, и я, как человек хорошо воспитанный, не стала занимать единственное свободное место, а предложила сесть мужчине. Он смутился, попытался отказаться, растерянно мотая головой, но затем все-таки присел.

На минуту показалось, что близкая дистанция между нами напрягает его: мужчина ссутулился и изредка бросал короткие косые взгляды в мою сторону. Пришлось отступить на пару шагов назад, к другому поручню, благо на соседнем одиночном кресле примостилась приятная пожилая дама, которую мое присутствие рядом нисколько не смущало. Мужчина выпрямился, расправил плечи, закинул ногу на ногу и раскрыл книгу, которая вдруг появилась у него в руках (на остановке я не обратила на книгу внимания), и стал читать.

Я тоже очень люблю читать и читаю много, все подряд, и по этой самой причине мне всегда любопытно, что же читают другие; и сама не желая того, я всегда подглядываю в обще-

ственном транспорте в открытые книги, планшеты и телефоны, особенно, когда это можно сделать незаметно для окружающих.

С интересом посмотрев на пожелтевшие по краям страницы, я удивилась: книга была написана на английском, но к своему стыду, прочитав несколько предложений, я так и не смогла понять, о чем она. На одной из остановок мужчина прикрыл книгу, заложив указательный палец вместо закладки, и я удивилась еще больше: это было одно из моих любимых произведений зарубежной классики – «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя. Скажу честно, его и на русском-то тяжело читать, хотя я прочла и не раз, а тут – оригинал на английском. Я была удивлена до глубины души!

Мое самолюбие и напускная самоуверенность были повержены в ту же самую секунду, они рухнули с утеса Гордыни на камни Реальности и разлетелись вдребезги. От сомнений не осталось и следа, оно улетучилось, развеялось как дым, и больше не возвращалось никогда.

Мужчина вышел на той же остановке, что и я, на проспекте около аллеи Ветеранов.

Теперь я еще внимательнее стала разглядывать его. Я бы дала ему лет 65—70, возможно даже чуть больше, но возраст определить было очень проблематично из-за неопрятного вида. Волосы не стрижены и не вымыты, но неприятного запаха не ощущалось. Рубашка и брюки – старые и грязные, или, может быть, не настолько грязные, как заношенные и застиранные. И при всем этом неподобающем виде, я бы со сто процентной уверенностью сказала, что человек не алкоголик. Но, как он дошел до такого плачевного состояния? Почему перестал следить за собой?

Мой взгляд не был замечен, и сразу же последовал тихий и спокойный вопрос:

– Вы тоже любите произведения Хемингуэя?

В последнее время стараюсь не заводить разговоры с незнакомыми людьми на улицах, это ни к чему хорошему не приводит, обычно начинают просить денег, то на лечение больных детей, то на хлеб, хотя сразу видно, на что пойдут эти деньги. А мне, как человеку сердобольному и крайне чувствительному, тяжело отказать просящему, поэтому не разговариваю и сразу отхожу в сторону. Но в данном случае все было как-то иначе.

Я растерялась от столь неожиданного вопроса и произнесла практически по слогам:

– Д-да кон-неч-но.

– А какие вы читали?

– То, что сейчас читаете вы, мое любимое произведение.

– Но вы не читали его в оригинале?

И, окончательно растеряв последние крохи уверенности в себе, пробубнила полупшепотом, опустив глаза:

– Нет. Я не настолько хорошо знаю английский, – а затем, взглянув на мужчину, тот смотрел внимательно с какой-то лукавинкой и прищуром, добавила, – Вернее будет сказать – совсем не знаю.

– Но языки выучить не так сложно, – продолжил он. – Это не самое трудное в жизни.

Тут я действительно удивилась. Всю свою сознательную жизнь пытаюсь выучить хотя бы один – английский, хоть чуть-чуть, чтобы хоть немного понимать разговорную речь. Пытаюсь, пытаюсь, но все мои титанические усилия тщетны. Заканчивается обучение, и буквально через несколько месяцев знания улетучиваются из головы, словно их и не было вовсе. Пустота полнейшая. А этот удивительный человек говорит не об одном, а о нескольких языках.

– А вы, какие языки знаете? – в свою очередь поинтересовалась я.

– Я знаю много языков, – улыбнулся он и, опередив мой следующий вопрос, сразу дал ответ, – Выучить языки несложно, главное понять взаимосвязь. Если хотите, приходите

на аллею Ветеранов в хороший солнечный день, я всегда здесь вечерами, читаю книги. Я поделилась с вами тем, что знаю. Вы оставляете впечатление мыслящего человека.

Я ничего не пообещала и ничего не ответила тогда, только вежливо попрощалась и медленно пошла домой, размышляя об этом неожиданном знакомстве.

На целую неделю зарядили дожди. Такого дождливого лета я не могла припомнить.

Никогда не понимала и всегда задавалась вопросом, на что же опираются синоптики, выдавая свои супер фантастические долгосрочные прогнозы. Хотя, чему удивляться, если и кратковременные-то они точно поставить не могут. Такое ощущение, что синоптики – это странный народец, живущий не в нашем мире вообще, а в какой-то отдельно взятой вселенной, причем расположенной в миллионах парсеков от нашей.

На крючке в гардеробной у меня висит огромный зонт-трость, очень удобный и незаменимый во время ходьбы под дождем. Он закрывает тебя полностью, и ты идешь, словно в домике, и ни одной капли воды не попадает на тебя. Но ехать с ним в общественном транспорте, да еще и в час пик, согласитесь, неудобно, когда и сама-то ты еле-еле втискиваешься в автобус. Если только использовать его в качестве дубинки, чтобы отбиваться от желающих прижаться близко попутчиков.

Именно по этой причине, я каждое утро слушаю прогноз погоды по-местному радио, чтобы определиться брать эту «дубинку» с собой или оставить дома. Жаль только, что прогнозы местных синоптиков крайне редко совпадают, настолько редко, что это стопроцентно подтверждает их внеземное происхождение. Даже когда на улице стеной стоит дождь, диктор радостно сообщает, что за окном прекрасная солнечная погода. Так хочется иногда набрать номер местной радиостанции и спросить: «У вас что, в студии нет ни одного окна? Спуститесь с небес! У нас на Земле ливень!»

Но особенно удивляют прогнозы про глобальное потепление!

На какие факты можно опираться, если по телевидению то тут, то там показывают заморозки, летом по всему миру выпадает снег, а мы ходим в теплых куртках даже тогда, когда празднуем Ивана Купалу?

Это уже не потепление, а глобальное похолодание, господа!

Я даже задумываюсь иногда, а не пойти ли мне в эту расчудесную организацию и устроиться на работу синоптиком, или на радиостанцию, я бы уж точно посмотрела в окно перед выходом в эфир.

С понедельника я стала проезжать на одну остановку дальше своей, каждый вечер, специально для того, чтобы посмотреть из окна автобуса, сидит ли мой новый знакомый на лавочке или нет. С которой из этих двух остановок добираться до дома разницы большой не было, моя улица проходила перпендикуляром ровно посередине расстояния между ними, поэтому времени я теряла не много.

Естественно, из-за сильного ливня никого на лавочках в парке я не видела. Но в пятницу его силы наконец-то иссякли, небо из свинцово-серого постепенно превратилось в бледно-серое со светло-голубыми проплешинами, к вечеру стало проглядывать солнце, а дождь капал все реже и реже. Я уже и не надеялась увидеть мужчину на этой неделе, но, к своему удивлению, проезжая мимо парка, отчетливо разглядела одинокий силуэт незнакомца. Мужчина сидел на скамейке под большим черным зонтом, практически таким же большим, как и мой.

Я выскочила на следующей остановке и чуть ли не бегом бросилась назад к аллее.

Увидев меня, мужчина тепло заулыбался и сразу произнес:

– А я знал, что вы сегодня придете.

– Как? Откуда вы могли это знать? – удивилась я, потому, что и сама точно не знала, во сколько освобожусь с работы. А ведь могла и задержаться часов до девяти-десяти вечера и поехала бы домой на такси совершенно по другой дороге.

– Знаю, и все. Также как знал и то, что вы любите Хемингуэя.

Все это казалось мне таким странным и непонятным тогда. Но голос этого необычайно-интересного человека действовал на меня завораживающе.

– Вы вероятно телепат или ясновидящий? – засмеялась я.

– Нет. Совсем нет. Меня зовут Арсений Матвеевич.

«Красивое, старинное имя.» – пронеслось в голове, и только я хотела открыть рот, чтобы представиться, как меня опередили.

– А вас – Аэлита! – его глаза улыбались мягкими, тонкими стрелочками в уголках, но только глаза, сам же он оставался серьезен.

– Арсений Матвеевич, об этом вы точно не могли догадаться! У меня очень редкое и необычное имя. Сознаться! Вы откуда-то меня знаете? Или кто-то вам рассказал обо мне?

Имя действительно редкое и красивое, и это факт, но так не называли и не называют девочек, хотя многие читали фантастическую повесть Алексея Толстого, но решиться на то, чтобы назвать так своего ребенка, мог только мой отец. Он был помешан на фантастике, особенно на произведениях советских писателей фантастов, и перечитал их все, я точно думала что все, потому что, вместо сказок на ночь, папа читал мне одну фантастику. Он мечтал, чтобы его избранницу звали Аэлита, но тут ему не повезло – мою маму звали просто Алла. И поэтому участи носить столь редкое и необычное имя удостоилась я.

– Нет, – так же спокойно продолжил Арсений Матвеевич. – Имя очень красивое, и как нельзя лучше вам подходит.

– Но вы не могли просто взять и догадаться, согласитесь. Имя настолько редкое, и им не называют девочек.

В нашей стране именем «Аэлита» называли вся и все подряд, даже сорт сигарет и компанию, выпускающую и расфасовывающую семена цветочных растений по пакетикам, но только не детей женского пола. И неудивительно, что мне совсем не верилось в такую острую пронизательность.

– Да, это практически так же, как угадать в какой из закрытых раковин зародится самая большая и редкая жемчужина. Но я не угадывал. Я просто знаю.

– Сегодня прекратится дождь, а завтра будет прекрасная солнечная погода, – выдержав паузу, добавил он.

Я сидела и уже совершенно не понимала, зачем я пришла сюда, почему так ждала этой встречи. И ведь я ее действительно ждала. Ждала гораздо больше, чем какое-либо из всех важнейших событий, которые происходили в моей жизни в последние годы. Что-то неуловимое и действительно загадочное было в этом простом человеке.

– Аэлита, в ближайшие дни меня не будет, но я принес вам домашнее задание, – он протянул мне небольшую книжицу, старую, потрепанную и засаленную, в толстом, хорошего качества переплете. – Дома откроете и все поймете. Встретимся в это же время.

Арсений Матвеевич встал, сложил зонт, пожал мне руку и бодрым шагом направился в сторону остановки.

Только, когда он ушел, я сообразила, что ни день, ни место следующей встречи при прощании обозначены не были.

Вернувшись вечером домой, я стряхнула с ног высоченные каблукы, так надоевшие за однообразный и вялотекущий день в офисе, положила сумочку и книгу на столик в прихожей и направилась напрямиком в ванную, вымыть руки.

Когда я вышла из ванной комнаты, то увидела маму, стоящую в коридоре и рассматривающую принесенную мной книгу.

Она вертела ее в руках, переворачивала, перелистывала страницы и рассматривала корешок, с интересом человека знающего толк в книгах.

Еще бы, кому как не ей, разбираться в них, человеку который столько лет проработал искусствоведом в одной из самых крупных библиотек в стране. И это именно она снабжала моего отца всеми новинками, созданными талантливейшими русскоязычными и зарубежными писателями фантастами, только-только появившимися на прилавки книжных магазинов.

– Дорогая моя, где ты откопала этот фолиант? – в ее голосе слышалось недоумение и что-то еще. Только что? Я не могла понять.

– Мама эту книгу мне дал почитать один новый знакомый...

– Новый знакомый? Дал почитать? Ты шутишь?

– Нет, я только второй раз сегодня увидела его.

– А этот твой новый знакомый случайно не арабский шейх?

– Нет, абсолютно простой, немолодой мужчина, Арсением Матвеевичем зовут.

– Аэлиточка, ты понимаешь, что этой книге цены нет! Это самое первое и потерянное издание от 1922 года произведения Алексея Толстого «Аэлита (Закат Марса)»¹! О нем много писали! Хотя, все это очень спорно! Книга вышла малым тиражом, всего в нескольких экземплярах, в одной из частных парижских типографий, в дорогом переплете, с картинками и пометками самого автора! Все сходится! Да, я не сомневаюсь, это именно она! Эта книга стоит огромного состояния. Она если и сохранилась где-то, то только в частных коллекциях, ее нет ни в одной библиотеке мира!

Я была потрясена, как-то не вязалось все вышесказанное здесь с внешностью того человека. Все это было очень и очень странно.

– Мама, откуда же мне знать?! Я познакомилась с этим человеком неделю назад на автобусной остановке. Он очень простой, бедно одет, можно сказать, просто нищенски... – оправдывалась я, причитая и чуть ли не рыдая.

– Аэлита, ты такая же странная, как и твой отец! – прикрикнула на меня мама. – А что если это украденный экземпляр? Иди и верни ему!

– Мама я не могу... Я не знаю, где он живет!

Мама продолжала меня ругать, а я подумала: «А ведь она, возможно, никогда не любила моего отца, может быть, поэтому он и ушел из дома и никогда больше не возвращался?!». Он ушел рано утром на работу и не вернулся ни вечером, ни через неделю, ни через год. Мать подала в розыск, но отца так и не нашли. Он исчез, а я всегда в душе обвиняла именно мать в его уходе. И, сейчас, я тоже была готова сбежать, куда глаза глядят... Но куда?

Это был мой дом, и идти мне было некуда.

«В ушах пело: к тебе, к тебе, через огонь и борьбу, мимо звезд, мимо смерти, к тебе, любовь!» – читала я, а на глазах наворачивались слезы.

Да это была она – «Аэлита (Закат Марса)», и именно эти слова произносил отец, когда читал мне книгу перед сном; но ведь мама сказала, что это уникальное и потерянное издание. Где мог папа взять такой экземпляр?

Я вспомнила, что дома, в шкафу, кажется, видела невзрачную, серенькую книжонку в тонком переплете, еще советского издания, где вместе, в одной книге, были выпущены два

¹ «Аэли́та» – фантастический роман (1923 год) и его переработка в повесть для юношества (1937 год) Алексея Николаевича Толстого о путешествии землян на Марс. Впервые роман (с подзаголовком «*Закат Марса*») был напечатан в журнале «Красная новь», 1922, №6 – 1923, №2. Первое отдельное издание произведения вышло в 1923 году, под названием «Аэлита (Закат Марса)».

произведения Толстого «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина». Надо было найти ее и сравнить.

Мне совершенно расхотелось спать. Загадки сверлили меня и не давали покоя. Я тихонечко вышла из комнаты и на цыпочках направилась в соседнюю к огромному шкафу полному книг.

В нашем огромном шкафу найти одну тоненькую, невзрачную книжонку среди рядов толстенных, красочных изданий было проблематично. Массивный, антикварный предмет интерьера занимал почти все пустое пространство посередине глухой, внутренней стены, напротив большого трехстворчатого окна с широким подоконником, на котором мама разводила сортовые фиалки. Высоченный и широкоплечий, как сказочный исполин, он сразу, от самого входа, притягивал внимание вошедшего в гостиную к своим полкам, где, от пола до потолка, красовались замечательнейшие произведения мировой художественной литературы в три ряда в глубину. Полки иногда не выдерживали такой тяжести и падали. В первом ряду стояли особенно ценные экземпляры в дорогих и красивых переплетах, во втором такие же ценные, но уже потрепанные и не имеющие вида, а дальше – книги в тонких переплетах, но от этого не менее интересные. И вот, по моим рассуждениям, как раз до третьего ряда мне и нужно было добраться.

Я примерно помнила, как выглядела та книга, но, в данном случае, это мало бы помогло. Нужно было сначала убрать первый ряд, затем, отодвинув второй, искать в третьем. Но на какой из девяти двухметровых полок находится нужный мне экземпляр?

Учитывая, что мама все-таки библиотекарь, значит, и книги должны были располагаться в каком-то четком, определенном порядке. Я стала внимательно изучать надписи на корешках.

На полке, прямо напротив глаз, оказалась вся русская классика: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гоголь... А вот и мамина любимая – «Анна Каренина». «Аэлита» точно не здесь.

Может быть ниже? Нет, тоже нет. На этой полке – зарубежная литература и ниже тоже...

Где же?

Отец был очень высоким мужчиной, скорее всего – фантастика где-то наверху, под самым потолком. Я пробежала глазами по корешкам книг и на самой верхней полке, на одном из них, прочла надпись, она сразу же бросилась мне в глаза, огромными буквами, простым, понятным шрифтом, было написано – «Рэй Брэдбери», а рядом красовался целый сборник сочинений братьев Стругацких. Значит – «Аэлита» точно там. Я приволокла два огромных стула, водрузила их один на другой, пошатала, проверяя эту конструкцию на устойчивость. «Ну, теперь-то, уж точно дотянусь!» – решила я и полезла. Слава Богу, хоть здесь книги стояли не в три ряда, а то точно бы не дотянулась никогда. Понемногу убирая и переставляя книги с первого ряда, я внимательно смотрела во втором и, уже было разочаровалась в своих поисках: «Аэлиты» здесь не было. Я начала составлять книги на место, но самый большой и толстый сборник фантастических рассказов «Судьбы земли», кстати, мой любимый, почему-то упрямо не хотел становиться в одну линию с соседними книгами.

Я надавила посильнее, но ему будто что-то мешало. Убрав книгу, я посмотрела за ней, несколько книг во втором ряду тоже стояли не вровень с остальными: что-то лежало за ними и не давало встать на место.

От радости я чуть не свалилась со стула, но удержалась, схватившись рукой за полку, а огромный сборник фантастических рассказов глухо брякнулся на пол. Не знаю, подскочили ли соседи от этого громкого хлопка тяжелой книги об пол, но мама проснулась. Когда я слезла со своей баррикады и повернулась спиной к шкафу, она уже стояла в дверях и как-то странно и непривычно, каким-то отчужденным взглядом смотрела на меня.

– Я знала, я предчувствовала, что ты ее найдешь. Надо было ее сжечь еще тогда... – произнесла она и медленно, словно силы оставили ее, опустилась на диван.

– Мама тебе плохо? Принести валерьянки?

– И почему я не сожгла, не выкинула эту книжицу? – спрашивала она у самой себя.

– Мама, ну ты же знаешь, что рукописи не горят, – попыталась я развеять обстановку, процитировав мамину любимую фразу из «Мастера и Маргариты».

Но даже это не помогло.

– Во всем виновата она – эта книжонка! Я сама подарила ему! – говорила мама, а на глазах наворачивались слезы. – Если бы не она – твой отец не ушел бы из дома.

Я стояла и размышляла. Как могла повлиять книга на уход отца? Что-то мама говорит не то.

– Мамочка, успокойся, – шептала я.

– Да, да, именно! Когда у нас дома появилась эта книга, все и началось. Он перечитывал ее сотни раз, читал даже тебе на ночь, делал какие-то пометки прямо в книге. Стал уходить вечерами. Куда? Неизвестно. Мог стоять часами и смотреть в окно, что-то нашептывая. Он выучил языки, много языков... Даже таких, о которых я ни разу не слышала. Сергей и тебя учил какому-то странному языку, исписал все твои чистые школьные тетрадки какими-то буквами и символами, и говорил, что это поможет тебе в будущем. Сначала я радовалась, что в нем проснулась эта способность, надеялась – найдет хорошую работу. Но он ушел, пропал... И вот теперь ты... Ты такая же странная, как и твой отец! И всегда была такой! Ты тоже уйдешь, и я останусь одна.

Я присела у маминых ног, обхватив их руками, и заплакала:

– Я не уйду. Не оставлю тебя одну. Успокойся.

А мама подняла глаза и недоверчиво посмотрела на меня, покачивая головой, словно уже знала, что я не вернусь к ней.

Глава вторая

«Ты такая же странная, как и он!» – сколько себя помню, выговаривала мне мама, будто обвиняла меня в уходе отца. И все время разглядывала пристально, стараясь взглядом просверлить мою голову и посмотреть, докопаться, что же там внутри, какие мысли роятся в маленькой и никчемной голове дочери. Именно никчемной, потому что, что бы я ни делала, за что бы ни бралась, какие бы идеи ни возникали, все было не то и не так. Все не так.

А иногда мне казалось, что только отец и любил меня. Каждый вечер или под утро перед работой, когда я еще спала, он заходил в мою комнату и тихонечко, чтобы не разбудить, клал под подушку большое яблоко или шоколадку.

И конечно же, шоколадка таяла, а яблоко, если его не находили пару дней, подгнивало и оставляло на белоснежной наволочке большое рыже-черное пятно, за что мама еще больше костерила отца. А тот, придя вечером домой, делал вид, что вообще не понимает, о чем идет речь, и что это были не его проделки, а подарок «от зайчика». А так как «виновный зайчик» после совершенного злодеяния благополучно скрывался, то и обвинять было некого, и дело автоматически переходило в закрытые, в связи с невозможностью поимки главного подозреваемого.

Все это меня несказанно забавляло, и я смеялась звонким детским голоском, а отец подхватывал меня на руки, поднимал высоко над головой под самый потолок и, заливаясь смехом, говорил:

– Аэлита, вот вырастешь, и мы полетим с тобой к далеким звездам, открывать новые неизведанные миры.

И вот я выросла, но лететь к звездам мне оказалось совершенно не с кем. Отца рядом не было, а найти человека, близкого мне по духу, я не могла, да, наверное, и не искала особо.

Все подружки уже давно повыходили замуж, кое-кто даже по два раза. А я просто жила: училась, работала, читала книги, смотрела хорошие фильмы, в общем, занималась тем, чем было приятно и интересно заниматься. Подружки подтрунивали:

– Смотри, всех женихов расхватывают!

Бабушки-соседки открыто ехидничали:

– Что, Аэлита, все инопланетного принца ждешь?

– Смотри, останешься старой девой.

– Нет их принцев-то сейчас, надо уже брать первого, какой посватается.

Но ведь и не сватался-то никто...

Сначала я очень переживала по этому поводу, задаваясь вопросом «Что же со мной не так?» А потом поняла, что самоедство дело вредное для здоровья и главное бесполезное, и начала жить нормальной, полноценной, одинокой жизнью.

Но самое странное в моем одиночестве было то, что все мои знакомые, искренне жалея меня, такую глубоко несчастную и одинокую, будто сговорившись, решили не оставлять меня ни на минуту, чем изрядно досаждали в часы, когда действительно хотелось побыть одной.

А больше всего раздражало, что все друженько пытались выдать меня замуж, постоянно навязывая и знакомя с женихами разных сортов и возрастов.

Так и в это субботнее утро. С самого утра начались звонки, к одной подруге я должна была приехать домой на шашлыки ближе к вечеру, дескать, «у них собираются все Ванечкины друзья и среди них будет несколько неженатых». А другая приглашала поболтать по магазинам, подсмотреть новые наряды, а после посидеть в модном кафе, где, якобы, «собирается

вся богема нашего города», и вот там то, при случае, «можно найти интересного человека, как нельзя лучше подходящего мне».

Дело оставалось за малым – моим желанием. Но в мои планы такое времяпрепровождение никак не входило. Я хотела только одного, чтобы меня оставили в покое, так как все мои мысли были заняты «Аэлитой».

Выход нашелся быстро. Я отключила телефон, а затем спокойно расположилась на широченном подоконнике в своей комнате, который служил мне и диваном, и рабочим местом одновременно.

Лучи утреннего, летнего солнца падали через стекло на старые, пожелтевшие и изрядно потрепанные листы фолианта, не оставляя ни одного уголка в полутени.

Я внимательно всматривалась в каждое слово, в каждую страницу, одну за другой, сравнивала с более поздним изданием, и параллельно впитывала смысл волшебной музыки слов, словно открывала для себя роман впервые.

Что меня удивило, так это то, что экземпляр отца был весь исписан, перечеркнут жирным грифельным карандашом, что-то было добавлено, затем стерто ластиком и написано заново. В итоге, получился экземпляр, как две капли воды похожий на изначальный, за исключением некоторых, совершенно непонятных пометок, обведенных в кружок номеров глав и страниц.

Где мог отец взять первое издание романа? И что это за странные дописки? Что обозначают эти цифры? Эти главы? Столько вопросов и ни одного ответа на них!

Я старалась найти хоть какую-то зацепку, хоть какой-то ключ к этому ребусу, но просто в растерянности перечитывала страницу за страницей.

А, самое главное, читая, я все отчетливее и отчетливее осознавала, что меня терзает то же чувство неудовлетворенности, то же стремление к чему-то неизведанному и та же всепоглощающая тоска по потерянному ранее или еще не свершившемуся, что и героев этого удивительного романа, недооцененного современниками, а сейчас и вовсе забытого. В голове кружились и повторялись фразы за фразами из книги, как слова известной и до боли знакомой песни и не давали покоя. Они отложились в памяти еще с тех теплых вечеров с отцом, когда он повторял и повторял: «...птица пела об этом: Аэлита, Аэлита... Но была ли она? Или только пригрезилась? Нет!»

Я дочитала до конца и слезы крупными горошинами катились из глаз, а перед глазами стоял образ отца и единственный вопрос терзал меня «Что же искал он в этой книге?»

Прошел день, солнце клонилось к закату, буквы сливались и расплзались по пожелтевшим страницам, становилось темно, а оторваться от книги, чтобы включить свет, у меня не хватало ни сил, ни желания. И теперь, как бы я ни старалась, разглядеть пометки, сделанные карандашом, никак не получалось. В конце книги их было особенно много. А в самом низу последней страницы, теперь уже наполовину стертymi буквами, был накарябан адрес, во всяком случае, мне показалось, что это был именно адрес, но он с трудом читался не только в полумраке, но даже если бы я зажгла свет.

Я упала на кровать, закрыла глаза и забылась.

На следующий день, в шесть часов вечера, я побежала на аллею Ветеранов, согревая в душе призрачную надежду, встретить своего нового знакомого. Я просидела на лавочке под деревьями часа три, но он так и не появился. Не появился он и на следующей неделе, а я сидела и ждала каждый вечер после работы. В голову закрадывались разные мысли, смутные

сомнения по поводу этого человека терзали меня, а книга в руках словно шептала «Найди его, найди его!».

Но как можно было найти неизвестного никому человека в огромном городе-миллионнике, где я и сама иногда теряюсь среди огромного количества вновь отстроенных безликих и однотипных кварталов и домов, а ни адреса, ни номера своего телефона он мне не оставил, только эту злосчастную книгу?

Времени на раздумья у меня было предостаточно, да мне и не оставалось ничего другого, как сидеть, ждать и рассматривать книги. Я так и таскала их в сумке, бережно завернутыми в полиэтиленовый пакет, и как только выдавалась свободная минутка, доставала, и снова читала, и читала страницу за страницей.

Но тот адрес, коряво нацарапанный карандашом в конце книги, прочесть так и не смогла. Разобрать можно было только слово «переулок», окончание «-ый» и первую цифру дома «1», а вторая – очень похожа на «4» или «7».

Я перебрала на карте города все переулки: Янтарный, Ясневый, ..., Лазурный... Подходили почти все. Нужно будет объехать все эти адреса! Но их так много... И все – в разных концах города... И на это нужно затратить уйму времени.

Домой я возвращалась в двенадцатом часу, что не осталось незамеченным. Мама, в основном, сидела молча и только изредка задавала вопросы про работу и про подруг, видимо, надеясь услышать ответ: «Да, я была сегодня у Кати!» или «Да, мы с Леной бродили по магазинам». Но сама ничего не спрашивала и только с каждым днем становилась все задумчивее и удрученнее.

Но сегодня за ужином она не выдержала:

– Аэлита, адрес, который ты ищешь – Песчаный переулок, дом 14. Это я стерла его, больше ничего не трогала, оставила все, как было. Когда пропал твой отец, я искала его по этому адресу и милиция искала. Но там, только старый заброшенный дом, жильцов давно переселили, а сейчас это здание на реставрации, его несколько лет назад признали памятником архитектуры. Там не живет никто, не ходи туда, не надо...

Но все мамины предостережения я, конечно же, пропустила мимо ушей, у меня было единственное желание – сорваться и бежать в сторону старого города. Если я ничего не путаю, то этот переулок находился именно там.

Но здравый ум все-таки взял верх над сиюминутным, безрассудным порывом, и я осталась дома, дожидаясь утра.

Передо мной стоял несовременный, полукаменный, богато декорированный деревянной резьбой двухэтажный (если не брать во внимание цокольный этаж) дом, вероятнее всего постройки конца девятнадцатого века.

Похожих домов в старом районе нашего города было много, и далеко не все они считались памятниками архитектуры. Но этот дом действительно отличался.

Постройка выглядела добротной. Первый этаж, который по архитектурной моде тех лет был до половины окон утоплен в землю и считался цокольным, был сложен из кирпича, а верхняя часть – из окоренных толстенных бревен, скорее всего смолистой сосны. За столько лет дом не повело, не покосило, только дерево потемнело от времени, что придавало дому еще более ценный антикварный вид. Чудесные резные наличники и ставни обрамляли окна. По карнизу свисал удивительнейшей красоты ажурный фриз².

² Фриз – резная доска, установленная на карнизе, обычно покрывается симметричным повторяющимся узором, который

Сотня декоративных солнц улыбалась переулку и проходящим мимо горожанам с прорезных ограждений лоджий и навесов над ними и парадным крыльцом.

На крыше располагалась двухъярусная башенка, первый ярус которой был застеклен, со стрельчатыми сквозными арками, увенчанная шатром с фонариком.

Не знаю, чем была покрыта крыша раньше, но по всей вероятности именно она и требовала ремонта, потому, что строительные леса располагались на самом верху, и работы велись именно там. Но никакой таблички, кроме – «Дом находится на реставрации», с указанием организации, которая проводила эти самые реставрационные работы, и телефона внизу, не наблюдалось.

Я обошла дом вокруг несколько раз, пытаясь хоть краем глаза заглянуть в грязные окна, пока из здания не вывалился пузатый, полупьяный мужик с захмелевшими поросычьими глазами и не заорал на меня:

– Чего надо-то? Чего ты здесь шастаешь? Выходной, поспать не дают, ходят и ходят всякие!

«Пить тебе мешают на работе!» – хотела возмутиться я, но тут же вспомнила о цели своего визита и вежливо поинтересовалась:

– Я мужчину одного ищу... Ему лет 65—70, Арсением Матвеевичем зовут. Подскажите, вы здесь не видели такого, может работает у вас?

– И зачем тебе такой красивой старый дед? – подмигнул он мне глазом, который еще не успел закрыться, в отличие от второго, – Я-то помоложе буду.

– А, может быть, он живет здесь где-то рядом? Вы случайно не видели, он высокого роста, крепкий, в серой рубашке в мелкую клеточку и темных, черных брюках, волос длинный, не стриженный и не ухоженный.

– Ну, ты, даешь! – закатился он лающим, идиотским, самодовольным смехом, – Красавчика бы искала, а то черт знает кого! Не видел я здесь такого. Я бомжей гоняю, а иначе с работы выпрут!

«Ну да! Гоняешь ты, как же! Сам, наверное, пьешь с ними!» – чуть не слетело у меня с языка. Я поняла, что разговаривать с ним бесполезно, и надо было по-хорошему сваливать.

Сторож что-то бурчал вдогонку, но я уже ничего не слышала, мне было не до него.

Среди ночи, прямо рядом с ухом, раздался мелодичный звонок сотового телефона, и Ленкин голос громко и радостно зазвенел:

– Лита, ты готова? Мы скоро подъедем!

– Куда подъедете?! – непонимающе, спросонья буркнула я.

– Как?! Ты что?! Забыла про квест?! – возмущенно запричитала подруга.

Я действительно забыла! Прошло две недели, как мы разговаривали с Леной о новомодном развлечении в нашем городе – квестах, которые устраивают для взрослых, еще не наигравшихся в детские игры. Такие квесты придумываются и пишутся какими-то взрослыми, умными дядьками, затем проверяются и выпускаются на суд игроков, которые носятся по ночному городу в реальном, не компьютерном мире, и разыскивают людей или предметы, в общем то, что кто-то и где-то закопал, зарыл или спрятал. Обычно это несколько команд, в зависимости от количества желающих участвовать, которые действуют независимо и у каждой цель – выиграть, победить в квесте.

Ленка долго уговаривала меня, чтобы я хоть раз пошла с ней, что это все так интересно и увлекательно, и я решила один раз сходить.

– Лена, две минуты и я соберусь, – заверила я подругу и схватила первые попавшиеся джинсы.

И как она уговорила меня на эту авантюру? Идти ночью неизвестно с кем, непонятно куда, где-то лазить по каким-то свалкам и заброшенным местам, такие развлечения мне никогда не были по душе. А единственным квестом, в который я играла и от которого была в восторге, была «Сибиря» Бенуа Сокаля. Но Ленка пообещала мне, что в реале все происходит гораздо круче.

Внизу меня дожидался низенький Мерседес, цвет которого разобрать в темноте я не смогла.

Увидев меня, Ленка приоткрыла заднюю дверь и громко скомандовала:

– Карета подана! Живо запрыгивай!

В машине нас оказалось пятеро: два парня впереди и мы – три девушки сзади.

Я безбоязненно села, надеясь, что Ленка знает всех этих людей, но как оказалось впоследствии – нет. Оказывается, по условию игры, никто из участников заранее не мог знать ни задания, ни игроков, с которыми придется проходить квест. Вся переписка с организаторами игры проходила через смс. Но их самих тоже никто и никогда ни разу не видел.

Когда наша команда оказалась в сборе, нам пришло короткое сообщение с текстом «Ждите». И теперь все участники игры в напряжении ждали одной единственной команды «На старт».

Мы сидели молча достаточно долго, и я уже сильно пожалела, что ввязалась в эту идиотскую затею, лучше бы я не соглашалась и сейчас спокойно спала бы в своей кровати.

Но тут звук полученного смс вывел меня из оцепенения, и я стала читать. Похоже, что точно такое же сообщение пришло всем пятерым. «Пушкина 10» и все – больше ничего. Двигатель на удивление мягко зарычал, и наш Мерседес рванул по пустынным улицам в сторону старого города.

– А что мы должны найти по этому адресу? – поинтересовалась я, нарушая тишину.

– Абсолютно неизвестно, – ответил один из парней. – Это может быть все, что угодно: пустая бутылка, банка, коробочка, где лежит следующая подсказка.

Эх, вздохнула я, и, представив, что нас может ожидать в ближайшие пару часов, подумала о своих дорожных рваных джинсах и новых кроссовках, о чем и шепнула тихонько Леночке на ухо.

На что услышала громкий и оглушающий в замкнутом пространстве ответ:

– Подумаешь одной дыркой больше, одной меньше, твои джинсы еще моднее будут.

На всю машину раздался громкий мужской хохот и скромный смешок незнакомой девицы. Сложившаяся стеклянная неловкость была нарушена, завязался дружеский разговор, мы перезнакомились, и теперь ехать в машине стало гораздо приятнее и комфортнее. Наши попутчики оказались людьми интересными, образованными, но видимо им всем не хватало адреналина в повседневной жизни и поэтому они каждую неделю по выходным играли в квест.

Под номером «10» на улице Пушкина располагалось одноэтажное деревянное строение, выполняющее роль местного магазинчика, с большой, прилегающей к нему неогороженной территорией.

Вся эта территория заросла то ли крапивой, то ли репьем, в темноте было не разобрать, а может быть тем и тем вместе взятым.

– Где искать-то это нечто? – поинтересовалась я.

– Лита, это может быть везде: в кустах, в урне у магазина, на клумбе, даже на дереве, только не очень высоко, чтобы мы могли достать, – ответила Лена и полезла освещать кусты фонариком, которые нам выдали при выходе из автомобиля.

Я не особенно торопилась лезть в жгучую крапиву, и подумала, что, скорее всего, устроители квеста тоже не особо горели желанием обжечься, и решила осмотреть сначала магазинчик... И, как обычно бывает в играх – новичкам везет, я разглядела на выступе фундамента что-то совсем маленькое, аккуратно завернутое в тряпицу.

Это была крупная, плоская, светло-серая галька, на которой под светом фонарика я с трудом прочитала надпись «пер. Весенний 24».

Мои соратники разбрелись по разным углам участка, надо было их всех собрать. Но как это сделать, чтобы не разбудить жителей соседних домов? Об определенном позывном, на который мы все должны были собираться около машины в случае обнаружения подсказки, мы не договорились или мне, как новичку, забыли сказать.

Я начала размахивать зажженным фонариком, и так как свистеть ни тихо, ни громко я не умела, то стала выразительно мяукать, убеждая себя, что издаваемый мной звук очень похож на кошачий. Но, видимо, не только себя я убедила в этом. На мой зов никто из нашей команды так и не откликнулся, и не возвратился к машине; а только раздался возмущенный возглас какого-то мужика из окна соседнего дома: «Отстреливать надо этих дикошарых котов. Спать по ночам не дают. Расплодились около магазина».

Я испугалась, а вдруг и вправду достанет воздушку и выстрелит из окна, мало ли больных, и погасила фонарик.

Ленка тоже не отзывалась, и мне все-таки пришлось лезть за ней в кусты.

Нашла я ее в густых зарослях, возможно когда-то здесь и благоухали пышные кусты сирени, ухоженные и цветущие, радуя своим видом и запахом посетителей магазинчика, но сейчас больше напоминали колючие кусты шиповника. Продвигаться по ним было небезопасно: помимо царапин на руках и ногах, легко можно, не заметив, напороться глазом на какую-нибудь сломленную ветку или шип.

Ленка вылезла из кустов жутко довольная результатом поиска. У нее в руках я разглядела две искореженные жестяные банки из-под кока-колы, пару пустых пачек «Винстона» и стеклянную бутылку из-под пива.

– Смотри, сколько всего я отыскала, наверное, внутри лежит подсказка, – радостно сообщила она.

Я, в свою очередь, тоже показала свою находку. Ленка сразу же бросила то, что держала в руках, банки с грохотом ударились о землю и раскатились в разные стороны, и схватилась за телефон. Она отправила короткое смс сообщение всем участникам нашей группы, и через пару минут они все дружно уже стояли около автомобиля.

Далее нас ожидала подсказка в переулке Весеннем.

И так мы должны были объехать несколько адресов один за другим. Как выяснилось позже, все они находились неподалеку, в этом же районе.

«Переулок Песчаный 14» – это оказалось последней подсказкой, найденной на пустой коробке из-под обуви около мусорного бака нашим водителем. Я не верила своим ушам, когда он зачитывал адрес, написанный фломастером на крышке от коробки, но глаза меня не подводили – автомобиль двигался именно в направлении уже знакомого мне дома.

Не доезжая до адреса пару сотен метров, наш водитель, припарковав машину около перекрестка, сказал:

– Здесь мы должны разделиться, на обратной стороне коробки написан еще один адрес, я не заметил его сразу. Второй адрес тоже здесь недалеко, чуть ниже по переулку, нужно посмотреть и там, и там.

Идти на Песчаную выпало нам с Ленкой.

Я была сильно удивлена, когда мы подошли по нашему адресу. Да, это был вроде бы тот же самый дом, какой я видела сегодня утром, но...

Не только сам дом изменился, но и все вокруг него стало другим.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы подходили к дому, была дорога: асфальт закончился, а вместо него под ногами расстилалась неровная, вымощенная огромными булыжниками мостовая, а у самого крыльца стояла двуколка, запряженная лошадыю.

Ленка присвистнула:

– Круто! До чего дошел прогресс! Неужели, это все для нас сделано?! Представляю, сколько бабла вложили в этот квест. Словно на сто лет назад переместились!

– Лена, подожди, что-то здесь не так! – насторожилась я, – Утром здесь все было по-другому! И дом этот... В нем шел ремонт... А вокруг стояли строительные леса...

– Ну вот, все и отремонтировали к вечеру. Как круто! Смотри и дверь приоткрыта.

Ленка от восторга даже подпрыгнула.

И действительно, сквозь узкую полоску приоткрытой двери пробивался слабый свет. Окна поблескивали чисто вымытыми стеклами, а сам дом выглядел свежим, будто его только недавно отстроили.

– Пошли, – Ленка схватила меня за руку и потянула по новехоньким ступенькам в дом.

Я стояла, как вкопанная, боясь пошевелиться.

– Не дрейфь, это квест, все нормально, они всегда придумывают какие-нибудь прикольные штучки, – сказала она и потянула меня за собой.

В доме стояла пугающая тишина. Никто не вышел к нам навстречу, но длинный коридор, тянувшийся в обе стороны от входа, и комнаты внутри были освещены, шикарно обставлены и убраны, будто хозяева ожидали гостей.

Мы словно попали в музей! Величественные портреты благородных господ и великолепные пейзажи в тяжелых позолоченных рамах, написанные маслом, старинные антикварные часы висели на стенах, тяжелые портьеры обрамляли окна, мебель ручной работы с резными ножками красовалась в гостиной и столовой. Даже стол оказался накрыт, на нем стояли фарфоровые приборы и хрустальные бокалы. А в центре стола, на большом серебряном подносе, лежала гора разнообразных фруктов.

Ленка не выдержала, схватила крупную виноградину, засунула в рот и тут же скривилась, и выплюнула на пол.

– Тьфу ты, какая гадость! Совсем безвкусный, – морщась, выдавила она и стала дальше рассматривать комнату.

Прошло минут десять, но к нам так никто и не спустился. В доме стояла абсолютная тишина: ни шорохов, ни топота приближающихся ног, ни далеких разговоров, даже стука часов, которых, кстати, в доме было больше, чем необходимо, я не слышала.

Любопытство на лице подруги постепенно стало меняться на возмущение и явное негодование. И она выскочила из столовой, горя желанием все-таки разыскать зачинщиков всего этого увлекательнейшего процесса.

Через несколько минут из коридора послышался ее звонкий голос:

– Лита, внизу нет никого! Пойдем, посмотрим наверху!

На второй этаж вела резная широкая лестница, и мы поднялись по ней, Лена резко и уверенно, я же – несмело и осторожно.

И первой комнатой на втором этаже, расположенной рядом с лестницей, оказалась просторная библиотека, стены которой были сплошь заставлены шкафами с книгами. Тяжелые, бархатные портьеры плотно занавешивали пару высоких окон, на зеленом ковре прямо посередине комнаты красовался лакированный дубовый стол, а на нем слабо мерцал золоченый подсвечник с тремя зажженными свечами, которые и освещали комнату. Люстры не были зажжены, а слабый свет от трех свечей создавал завораживающий полумрак и игру теней во всей библиотеке. За спинкой кресла, у единственной свободной от книжных полок внешней стены, прямо посередине, между окнами, стояли старинные напольные часы, а по углам маленькие кожаные диванчики.

Я не сразу увидела в дальнем углу мужчину. Высокий, в дорогом, добротном, темном костюме он стоял у окна и сливался в полумраке с темной портьерой. А затем, будто вынырнул из-за нее, шагнул нам навстречу в освещенный свечами круг. Я испугалась, но виду не показала.

– Ух ты черт! – возмущенно взвизгнула Ленка, – Я понимаю игра! Но зачем же так пугать? – недоумевала она, усаживаясь на диванчик, нарочито высоко задирая подбородок и сложив ногу на ногу, всем видом показывая, что ей совершенно неинтересен элегантный хозяин и его великолепный дом.

Но хозяин и вовсе не удостоил Ленку своим вниманием и сразу обратился ко мне:

– Я знал, что вы придете, Аэлита. – тихо и спокойно заговорил молодой мужчина. Его приятный баритон показался мне очень знакомым, словно я слышала его уже, когда-то...

На вид ему было лет двадцать восемь, тридцать, может быть чуть больше, в темноте трудно разобрать. Темно-русые, волнистые, аккуратно уложенные волосы обрамляли красивое, с правильными чертами лицо. Его большие глаза смотрели на меня внимательно с уже знакомой лукавинкой и прищуром.

Где-то я видела эти глаза, такие добрые, со стрелками лучиками в уголках...

Я перебирала в голове всех кого знала или видела когда-либо. И только один человек приходил на ум. Его образ не покидал мои мысли последние две недели ни на минуту.

А этот молодой человек был очень похож на моего нового знакомого. Те же глаза, та же улыбка, даже строение тела и гордая посадка головы. Только моложе лет на тридцать.

Сама не ожидая того, я залюбовалась незнакомцем и на минуту потерялась во времени и в своих мыслях. На диванчике тихо цыкнула Ленка, пытаюсь привлечь внимание хозяина дома. Это привело меня в чувства, я только сейчас поняла, что не свожу с мужчины глаз, и, смутившись, уставилась в пол.

– Вы сын Арсения Матвеевича? – очнувшись, тихо высказала я свое предположение.

Мужчина заулыбался и ответил:

– Предположим, что так...

– Он вам рассказывал про меня?

– Да..., да... – как-то неопределенно сказал он и задумался.

И тут я увидела в его левой руке книгу, уже знакомую мне. Это было мое любимое произведение Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Какое-то непонятное чувство охватило меня, сомнения не давали покою.

– А, где сам Арсений Матвеевич? – обеспокоенно поинтересовалась я.

– Не волнуйтесь, вы встретитесь с ним завтра, на том же месте, в парке, – ответил мужчина, будто читал мои мысли.

Все это время он не сводил с меня глаз, пристально и упорно разглядывая. На секунду мне показалось, что молодой хозяин не хочет, чтобы мы уходили, но он резко и неожиданно произнес:

– А сейчас вам с подругой нужно возвращаться. Вас ждут.

Он повернулся ко мне спиной, подошел к большим напольным часам и открыл дверцу циферблата.

Мужчина перевел большую стрелку на несколько делений вперед, передернул гири и закрыл дверцу, словно хотел показать, что заводит вдруг остановившиеся часы. Но и после этого часы продолжали стоять.

Я насторожилась.

Только сейчас я поняла одну странность, которую заметила, как только мы вошли в дом, но сразу не придала этому значения – все часы: в коридоре, на первом этаже, в столовой, в гостиной и здесь в библиотеке стояли и показывали ровно восемь, хотя по моим подсчетам была глубокая ночь, часа два-три максимум. Но хозяин, как мне показалось, старался скрыть от нас этот факт.

Он обернулся, улыбнулся одними глазами, и чувство чего-то потерянного или несбывшегося охватило меня.

– До встречи, Аэлита, – резко попрощался он и снова отступил в тень и уже оттуда добавил, – Прodelайте весь путь в обратном порядке.

Ленка была настолько ошарашена происходящим, что смогла выговорить первое слово, только выйдя на свежий воздух.

– Аэлитка, признавайся, вы стоворились, да? – наезжала она.

– Я не понимаю... О чем ты?

– Как не понимаешь? Это кто был, этот красавчик? Наверное, один из создателей игры, да? А ты все знала и договорилась заранее, чтобы запутать меня?

– Я сама впервые вижу этого человека, – ответила я.

– Тогда почему он обращался к тебе по имени? Как его зовут?

– Я не знаю!

– Ну как же, а он разговаривал с тобой, точно знает тебя. И задание дал именно тебе. Ты хоть поняла, что мы должны проделать?

– Я не знаю! Я тебя не обманываю!

Я ничего не понимала, так же как и она, как и не понимала того, что творилось на улице вокруг нас.

А Ленка, не обращая внимания на дорогу, продолжала допытываться:

– Литка, а ведь он пялился на тебя, не отрываясь! А на меня даже не взглянул ни разу! Кто он? Сознавайся! Интереснейший типчик! Что-то происходит между вами, я это сразу поняла!

Мы дошли до перекрестка, где оставили машину и откуда разошлись по разным адресам, но там к моему удивлению была такая же дорога, вымощенная булыжниками, и еще дальше, насколько видел глаз, тоже такая же, но Мерседес испарился, словно его и не было никогда.

– Где наша машина? – спросила Лена удивленно. – Что происходит? Она должна была стоять здесь. Неужели нас бросили и уехали?!

Подруга достала телефон, но никаких сообщений не приходило. Она попыталась позвонить, но тут же, с возмущением, отдернула руку с телефоном от уха:

– Елки, связи нет!

– Лена, нам нужно пройти пешком, – сказала я неуверенно.

– Вот, а я что говорила, вы все это придумали заранее, – покачала она головой.

– Иди за мной.

Мои смутные догадки и предположения вели нас по пройденным адресам в обратном порядке.

Мне казалось, что шли мы целую вечность, ноги заплетались от усталости, хотелось есть, пить и спать. Я готова была упасть прямо там, где шла, на мостовую. Лена еле-еле плелась за мной и чуть ли не ревела и клялась, что больше ни за что не будет участвовать в таких играх. Под конец мы с ней вообще заблудились, зашли на заросший крапивой и какими-то кустами пустырь, и, выйдя оттуда, оказались на улице Пушкина 10.

Мы вылезли из кустов около магазина. В руке у меня была галька, завернутая в тряпицу со следующим адресом, а у Лены пустые банки, пара пустых пачек «Винстона» и бутылка из-под пива.

Ленка сразу бросила то, что держала в руках, банки с грохотом ударились о землю и раскатились в разные стороны, и схватилась за телефон. Она отправила короткое смс сообщение всем участникам нашей группы, и через пару минут они все дружно уже стояли около автомобиля.

Я уставилась на подругу в недоумении, но она словно не помнила того, что происходило с нами буквально несколько часов назад, продолжая вести себя так, будто ничего и не случилось, будто всего этого и не было вовсе, а уж про свою клятву – не участвовать больше в квестах, она и под пытками не вспомнила бы.

Далее нас ожидала подсказка в переулке Весеннем...

Глава третья

Проснулась я поздно.

Ноги дико ныли, напоминая о пройденном вчера расстоянии, голова гудела, а в ушах стоял звон, как после затяжной ночной гулянки. Домой вернулась только под утро, когда на улицах большого города стало светать.

Спала беспокойно, мучили кошмары. Мне снился песчаный берег метра три шириной. А до берега – заросли тропического леса с поразительно-диковинными, экзотическими кустарниками и травами. Снился мужчина, который быстрым шагом шел впереди, лица его я не видела, он будто убегал от меня через заросли, а затем вдоль кромки воды по песчаному берегу. Я бежала за ним, не разбирая дороги, прямо по необыкновенно-большим растениям, напоминающим еще не свернувшуюся в кочаны капусту, только листья у них были толще и мясистее. И уже выбегая на песок, схватилась рукой за лиану, как мне показалось в начале, но это оказалась длинная, тонкая змея. Я отшвырнула змею от себя и потеряла мужчину из виду.

Я лежала и даже не пыталась заставить себя подняться, мучительно стараясь восстановить в памяти порядок произошедших ночью событий.

Воспоминания замотались в клубок и запутались так, что распутать этот клубок было практически невозможно. В памяти хорошо отложилось только то, что было связано с квестом, после того момента, как мы вынырнули из кустов во второй раз.

Я прекрасно помнила, как мы искали подсказки, в каких немыслимых тайниках их находили, даже о чем разговаривали, все до мельчайших подробностей, но с трудом вспоминала то, что было связано со старинным домом. Все воспоминания оказались вдруг смазаны и стерты, словно это был только сон, такой красивый и несбывшийся, и полузабытый с пробуждением. Я плохо помнила и адреса, по которым мы шли на встречу с загадочным хозяином дома. Смутно помнила и обратную дорогу. Но я точно знала, что это все происходило на самом деле.

Что-то было в этом доме манящее и неразгаданное, что-то помимо остановившихся часов, которые показывали одно и то же время, и вымощенной булыжниками мостовой. Меня тянуло туда, будто корабельным канатом, зацепленным огромным железным крюком за грудную кость.

Я встала, наскоро привела себя в порядок, проглотила вчерашний бутерброд, запила холодным чаем, схватила сумку, запрыгнула в машину и рванула в сторону старого города.

Я попыталась повторить весь проделанный ночью путь от Пушкина 10 до Песчаного переулка 14, и, как мне казалось, проезжала адрес за адресом в абсолютно правильной последовательности. Но когда мой автомобиль поравнялся с домом, я увидела те же строительные леса, обычный асфальт и полупьяного сторожа, расположившегося на ступеньках перед входом.

«А, может быть, в старом городе существует еще один похожий дом, с таким же или подобным адресом?» – проскочила шальная мысль, и я стала проезжать медленно улицу за улицей, читая таблички и разглядывая дома.

Мой автомобиль медленно колесил по старому району города, то притормаживая, то ускоряясь. Людей и машин в дневные часы здесь было мало, и я не особо задумывалась, нарушаю ли правила дорожного движения, казалось, что нет. Но на одном из перекрестков в направлении моей машины выдвинулся сотрудник передвижного поста ДПС. Он сделал известный всем автомобилистам жест, приказывая остановиться.

– Добрый день, лейтенант Клеймуш, предъявите Ваши документы.

Я вытащила из бардачка все имеющиеся документы на машину и права из сумочки, и подала ему.

Несколько минут молодой лейтенант рассматривал документы и пристально разглядывал меня, затем обошел машину, а потом заглянул в окно и принялся.

Тут я, конечно же, не сдержалась и выдала:

– Лейтенант, а что произошло? Номера и фары чистые, ремнем пристегнута, и аптечка с огнетушителем имеются. Я сейчас вам все покажу.

– Девушка, у вас точно все в порядке?

Мне хотелось ответить честно: «Нет. Какой может быть порядок? Я потеряла целый дом и человека в нем!», и тогда меня сто процентов этот же лейтенант определит в психушку, вызвав по рации бригаду, но вместо этого ответила:

– Да, все хорошо.

– А почему тогда нарушаем?

– А, что конкретно я нарушила? – съехидничала я, но напряглась, и тут же вспомнила, что совсем недавно приобрела и установила в машину регистратор с функцией записи происходящего на дороге, и выдохнула.

Лейтенант опять заглянул в мои документы и продолжил:

– Аэлита Сергеевна, вы делаете третий круг мимо нас... В четырехстах метрах отсюда скоростной знак, вы его видели?

Я растерялась...

– Правильно, 40 километров, – ответил постовой за меня. – А вы, с какой скоростью передвигаетесь? Правильно – 20 км в час! Вы понимаете, что создаете помеху на дороге?

Нужно было срочно что-то придумать, чему этот лейтенант Клеймуш поверит на все сто, пожалеет и отпустит. И я ляпнула первое, что пришло в голову, скорчив несчастную гримасу:

– Простите, товарищ старший лейтенант, но мне буквально час назад позвонил мой парень и сказал, что уходит от меня. Я все осознаю и сейчас поеду, поставлю машину на стоянку.

Лейтенант Клеймуш безумно довольный, что его приняли за старшего по званию, расплылся в улыбке и уже простецким тоном, искренне жалея меня, сказал:

– Да не переживайте вы так, может оно и к лучшему. Всего доброго.

Я сидела на лавочке в парке и ждала. До назначенной встречи оставалось несколько часов и они казались мне мучительно долгими, настолько, что я места себе не находила, путаясь в мыслях о старике, его сыне, том странном доме, квесте, Ленке и «Аэлите».

Лена позвонила сама:

– Лита, ну как ты? Я только проснулась! Ты, как, выпалась? Как тебе игра? Понравилась?

– Лена... – только это я и успела вставить в тот поток слов, который обрушился на меня.

– Я уже списалась с нашими по вацапу, они в восторге. А особенно, тот момент, помнишь, когда мы нашли последнюю подсказку в полуразрушенном доме, и нас чуть балкой не прибило!

Конечно же, я все помнила! Мы пришли на финиш первыми и победили, и нам, как победителям, вручили какие-то подарки, завернутые в блестящую упаковку, и я ее еще даже не вскрывала. Но, сейчас, меня больше интересовало, что помнила подруга.

– Лена, а ты помнишь дом постройки конца девятнадцатого века, в который мы с тобой заходили? В нем было много старинной мебели и картин. И высокого красивого мужчину лет тридцати?

– Лита, ты чего? Не выпалась что ли? Я в любом случае такого мужика запомнила бы, и еще телефончиками обменялась, – засмеялась она. – Тебе приснилось что ли?

– Ну как же... Там на огромном столе стоял поднос с фруктами... Ты еще виноград попробовала и тебе он не понравился.

– Ээээ, подруга, а ты не заболела случаем? Может у тебя температура? Ты, наверное, простыла! Я сейчас приеду, – обеспокоенно залепетала она.

– Леночка, да, наверное... что-то перепутала... Не бери в голову, – и быстро добавила, – Я сейчас не дома, у меня дела, буду поздно, не приезжай.

Он подошел тихо, я и не заметила, откуда-то из глубины парка. Все в той же поношенной одежде, с неухоженной головой. Как-то не вязался его внешний вид и первое впечатление с его глубоким умным взглядом, с добрыми стрелочками лучиками в уголках глаз, его стройной, подтянутой, несмотря на возраст, фигурой и гордой посадкой головы. А ведь действительно тот молодой мужчина был очень похож на него.

– Арсений Матвеевич, где вы пропадали так долго? – я схватила его двумя руками за протянутую для приветствия руку.

– Я знал, что вы ждете меня, но, простите, я не мог прийти... – он перестал улыбаться и опустил глаза вниз.

Сейчас он выглядел просто глубоко несчастным и абсолютно одиноким стариком. Как же так? Почему он одинок? Жалость к нему полоснула сердце.

– Вы болели? Я была в вашем доме и познакомилась с вашим сыном. Вы ведь с ним проживаете, вместе?

Он поднял глаза и пристально посмотрел на меня, будто пытался что-то вспомнить или осознать. А затем тихо ответил:

– Да, да... вместе...

Это «Да, да» прозвучало абсолютно так же, как тогда, в том удивительном доме, из уст молодого мужчины.

– Но я вас не видела дома. Вы лежали в больнице?

– Аэлита, вы прочитали книгу, которую я вам дал? – проигнорировав вопрос, спросил Арсений Матвеевич.

– Да, конечно, спасибо, это удивительная книга! Я перечитала ее несколько раз, – выпалила я и полезла в сумочку, чтобы вернуть редкий экземпляр.

Но книг, завернутых в пакет, в ней не оказалось, скорее всего, выложила их из сумки.

– Арсений Матвеевич, видимо забыла книгу дома, простите, я принесу ее завтра или в другой день, когда скажете.

Он оживился, в глазах опять заиграли и засверкали искорки жизненной энергии. Складывалось впечатление, что мужчина обрадовался моим словам и, недолго думая, предложил:

– Вот и хорошо, тогда приходите завтра вечером к нам домой на ужин. Вы и сыну очень понравились, он будет рад вновь увидеть вас, Аэлита.

Я замешкалась... Как рассказать ему, что я не могу отыскать их дом, и что в моем сознании происходят какие-то непонятные метаморфозы, связанные с домом? И спросила:

– Арсений Матвеевич, уточните, пожалуйста, адрес.

– Переулок Песчаный 14, – ответил он, одновременно с обеспокоенностью пристально всматриваясь в мое лицо.

– Но, я была в переулке сегодня утром. В этом доме ведется реконструкция, и, кроме сторожа, там никого нет. У меня такое ощущение, что это другой дом совершенно.

Я заметила, как обеспокоенность на его лице переросла в тревогу, хотя, может быть, это только показалось.

– Нет, адрес именно такой. Вы ничего не путаете. Аэлита, вы знаете, как найти дом.

Он резко встал, с живостью не свойственной старикам, поцеловал мне руку и быстро зашагал в сторону остановки.

Книги словно испарились. Их не было нигде. Странно, очень странно... Я всегда носила их с собой в сумке, а свою сумочку не оставляла в последние дни ни на минуту без призора. Прекрасно помню, что и во время нашего ночного путешествия сумочка была при мне и сегодня утром тоже. Но когда и где я могла выложить книги? Помню, что в последние два дня точно не доставала.

Перевернув всю квартиру вверх дном, но так и не отыскав пакет с книгами, я направилась на кухню, чтобы перекусить. Весь день ничего не ела, хотя чувства голода не чувствовала.

Ничего приготовленного на кухне не оказалось и в холодильнике тоже, что было очень и очень непривычно.

Чтобы мама ничего не приготовила в воскресный день, было по меньшей мере неестественно. Да и мамы дома не оказалось.

Побродив по пустым комнатам, я поняла, что ушла она уже достаточно давно.

– Ну и что ты там нашла?! – раздался гневный и резкий голос за спиной.

– Мама, где? О чем ты? – я сначала не поняла о чем идет речь, но когда обернулась, то увидела у нее в руках мой пакет с книгами, и все сразу стало понятно.

– Что ты там нашла в этом старом, полуразвалившемся доме? Я тебе говорила – нет там никого! Просила же тебя туда не ходить!

– Я и не хожу... – соврала я как-то очень неумело.

– Не ври мне, я видела тебя возле него! Ты подъезжала к дому, ходила кругами! Я была там! – и уже сбавив тон сказала, – И отец твой так же... Все ходил и ходил вокруг этого дома... Хоть ты мне объясни, что вам там медом намазано?

Она бросила на кухонный стол пакет и села на стул рядом со мной.

– Мама, будешь кушать? Я рагу приготовила.

– А ведь я ему говорила... Не доведет все это до добра... И еще эта дружба со стариком...

– С каким стариком? – осторожно спросила я, стараясь не выдать своего интереса.

– Когда твой отец стал пропадать, я сначала подумала, что он разлюбил нас, нашел другую женщину... И стала следить за ним. Но, как оказалось, он уходил вечерами в парк и встречался там с этим стариком, а после, всю ночь, что-то искал в этих книгах, все исписал. А старик... Странный такой старик, высокий лет шестьдесят на вид, тяжело разобрать возраст издалика; плохо одетый, неопрятный, похожий на бомжа, таких много бродило тогда в нашем районе. Они долго общались... А потом твой отец пропал. Меня расспрашивала милиция о нем, даже составляли фоторобот, но его так и не нашли.

Она развернула мой пакет, достала фолиант и ткнула в него пальцем.

– Эту же самую книгу тот старик дал почитать твоему отцу! Я как увидела ее в твоих руках, чуть не умерла. Сознаться откуда у тебя эта книга? Кто дал тебе ее? Если ты сейчас не признаешься – я посажу тебя под домашний арест!

– Мама, это смешно, я уже взрослая девочка!

Что-либо объяснять и оправдываться у меня не хватало сил. Меня словно сначала облили кипятком, а затем окунули в прорубь, по пищеводу растекся холодок, а по спине пробежали мурашки.

Я схватила книги и закрылась в своей комнате.

Заснуть я не могла. Вопросы мучили и изводили меня. Столько вопросов и ни одного ответа на них. Что произошло с моим отцом? Куда он исчез? Почему оставил нас? А тот загадочный старик? Уж как-то подозрительно он похож на Арсения Матвеевича. Знакомство старика с отцом произошло пятнадцать лет назад. Сейчас Арсений Матвеевич должен был бы быть старше! Но мама видела его только издали, значит, могла и ошибиться. Все сходится! А, самое главное, дом и то, что происходит в этом доме и вокруг него!

Сомнения терзали меня. Криминал?! Нет! Я чувствовала, что здесь что-то другое! Но что именно?!

Выход был только один – пойти и расспросить этих людей о книге, о моем отце, о метаморфозах, происходящих с домом! Обо всем!

И еще о пометках, которые делал отец в книге! Да! Может быть, я невнимательно читала?

Я схватила обе книги, открыла на первой странице и опять, раз на -дцатый, стала просматривать слово за словом, предчувствуя, что это приведет меня к разгадке.

Кроме всевозможных пометок и дописок, в экземпляре моего отца стояли ссылки на определенные страницы и абзацы в фолианте. Изначально я восприняла их за самые обычные указания какого-то важного момента в книге, на который нужно обратить особое внимание и не более.

Но теперь стала внимательнее присматриваться к ним.

Я перечитывала абзац за абзацем, но ничего необычного в них не находила, пока не заметила одну странность в написании букв.

Эта странность напоминала опечатку или скорее походила на типографский брак. В одном слове из указанного в ссылке абзаца одна из букв была пропечатана другим шрифтом, чуть большим, чем основной. Но обычно такой брак был связан с одной конкретной буквой и проходил по всему тексту книги. А в данном случае буквы были разными и почему-то только в указанных отцом абзацах, в остальном тексте ничего подобного не встречалось.

Я стала выписывать букву за буквой на отдельный листочек и не поверила своим глазам: у меня постепенно стали складываться названия улиц, и переулков. Но только названия, номеров домов не было.

Что же я упустила, на что не обратила внимание?

И тут я вспомнила, что отправной точкой в поиске подсказок для квеста и местом, где мы оказались, когда вернулись назад, был дом 10 на улице Пушкина.

Да именно цифра 10 и должна стать ключом к зашифрованным номерам.

Открыв книгу на этой странице, я заметила, что номер внизу аккуратно обведен карандашом. И дальше несколько номеров страниц до двадцать шестой также были взяты в кружок.

Всего адресов было шесть; первый – улица Пушкина 10, последний – переулок Песчаный 14. Оставалось еще 4 улицы, скорее всего записанные по порядку, и четыре номера: 12, 16, 24 и 26. Но какой из них принадлежит конкретной улице?

Должна быть взаимосвязь, как в задачах на логическое мышление, типа «Продолжи цепочку чисел», которые мы часто решали с отцом. И поэтому особого труда просчитать заданную головоломку не составило.

Даны два числа 10 и 14, сложив их, получаем число 24. От 24 отнять какое-то из изначально данных чисел нельзя, потому что получатся те же самые два числа, поэтому делим его на 2. Получается 12, прибавляем к нему 14, получаем 26, и от 26 отнимаем 10, получаем 16. Вот и вся последовательность.

Теперь я точно знала, куда мне отправляться завтра.

И вот городской асфальт от перекрестка, где я оставила машину, сменился мостовой, вымощенной булыжниками. Было еще совсем светло, в отличие от первого раза, когда мы с Леной попали сюда, что позволило более внимательно рассмотреть переулок Песчаный.

Переулок оказался тихим и безлюдным. Медленно шагая от перекрестка вверх по улице, я не увидела ни одного человека и ни одной машины, припаркованной около новехоньких, казалось только недавно отстроенных домов. Они гордо и уверенно демонстрировали свои фасады первозданного цвета свежеструганной древесины, еще поблескивающие при свете прячущегося за крышами вечернего солнца каплями смолы на бревнах и резных наличниках.

Двуколка, запряженная лошадей, все так же стояла на проезжей части возле дома. Лошадь вела себя смирно и лишь изредка постукивала копытом по каменной мостовой. Этот стук эхом отдавался в глухой тишине переулочка и словно переносил в стародавние времена, когда вот по таким улицам прогуливались барышни с зонтиками от солнца, сопровождаемые важными кавалерами в шляпах.

Было тепло, спокойно и уютно, ни ветра, ни пыли, ничего, что излишне притягивало бы внимание и вселяло дискомфорт. Беспокойство и волнение куда-то улетучились; я уверенным шагом поднялась по ступенькам крыльца и взялась за ручку уже знакомой двери.

«Что за странные люди? Почему не встречают приглашенных на званый ужин гостей?» – пронеслась мысль, когда я вошла в прихожую.

Полумрак окутывал первый этаж особняка, и только столовая была ярко освещена. Мне ничего не оставалось, как войти и отправиться в сторону освещенного помещения.

Стол сервировали заранее; моего прихода явно ждали, но ни отца, ни сына здесь не оказалось. Удивило то, что стол был накрыт на двоих, приборы располагались друг напротив друга, на противоположных краях стола; в центре стоял огромный поднос с фруктами, а на тарелках дымилась только что приготовленная морская рыба, еще совсем горячая.

Я замешкалась в дверях и уже хотела подняться в библиотеку, в надежде найти там хозяев дома, как почувствовала еле слышные приближающиеся шаги за спиной, а затем и тихое ровное дыхание.

Холодок пробежал по спине, ноги приросли к полу, а сама я боялась не только повернуться, но и дышать.

– Аэлита, – послышался за спиной спокойный, безумно красивый баритон. Этот голос завораживал меня и приводил в оцепенение. – Благодарю, что вы приняли мое приглашение на ужин.

«Ваше приглашение! Меня приглашали не вы, а ваш отец!» – хотела возмутиться я, обращаясь, но вместо этого сказала:

– Я пришла, чтобы вернуть книгу Арсению Матвеевичу. Он дома?

Молодой мужчина, опустив глаза вниз, резко ответил:

– К сожалению, его не будет сегодня, но книгу оставьте. А после ужина, вы можете выбрать любое другое произведение в нашей библиотеке, какое вас только заинтересует. А теперь прошу к столу, пока ужин не остыл.

Он подошел к моему месту, отодвинул стул и, кивнув на него, пригласил присесть.

Я опять не сводила с молодого хозяина глаз. Но смотреть в упор и так разглядывать собеседника всегда считалось верхом неприличия, и я сдерживала себя, старалась реже смотреть в его сторону.

От ужина я тоже не могла позволить себе отказаться, и пусть не была знакома с человеком, который меня приглашал к столу, но после длинного рабочего дня, жутко хотела есть, а блюда на столе выглядели более чем аппетитно.

К моему глубокому разочарованию приготовленная рыба оказалась совершенно безвкусной. Я даже не могла понять, как можно было так испортить форель. В душе я безудержно ругала повара, который это блюдо приготовил. Хотя, возможно, что и сами хозяева предпочитают еду без соли и вкусовых добавок.

Рыбу я, конечно же, доела, но точно такими же безвкусными оказались и белое вино, и фрукты. Теперь я поняла, почему Лена в ту ночь выплюнула виноградину, взятую со стола.

Единственное, что скрашивало этот ужин – это элегантный и очень обаятельный собеседник напротив. Не давая мне скучать, он рассказывал удивительнейшие истории из жизни богатых и знаменитых людей, которые жили в прошлом. Он знал так много, а излагал так красиво, что я в принципе и не особо обращала внимание на то, что ела. Да и настороженность, и напряженность, сложившуюся в начале вечера, за столом сняло, как рукой.

Теперь я могла получше разглядеть его. Обаятельнее мужчины я в своей жизни не встречала. Казалось, будто он и не из нашего мира вовсе, настолько разящей была разница между современными мужчинами и этим элегантным молодым человеком, умеющим не только вести себя достойно, но и галантно ухаживать за дамой. Я поймала себя на мысли, что да, действительно, у Арсения Матвеевича должен был быть именно такой сын. Сын похожий на какого-то древнегреческого бога, ну или, по меньшей мере, на полубога.

– Как вам ужин, Аэлита, – поинтересовался молодой хозяин.

– Все было очень вкусно, – соврала я.

– Не лукавьте, Аэлита, Вы совершенно не умеете лгать.

Он посмотрел на меня пристально, внимательно изучая мое лицо, прищурив красивые, но почему-то вдруг потухшие и опечаленные глаза.

– Еда абсолютно безвкусна!

Я была озадачена. В глаза бросалась его крайняя раздраженность данным фактом.

– Если вас не устраивает повар, почему бы не сменить его? – предложила я единственный выход из сложившейся ситуации.

Он отвел глаза в сторону, но в них я заметила какую-то безграничную боль и обреченность.

– Пойдемте со мной, я покажу вам город, – предложил он и поднялся из-за стола.

Это предложение показалось мне настолько странным, что я чуть было не ляпнула: «Я только вчера объехала весь старый город вдоль и поперек, что он мне снился всю ночь. Что нового я могу еще здесь увидеть?»

Но от прогулки не отказалась.

Прогулка в двуколке оказалась очень приятным времяпрепровождением. Я даже пожалела, что не приобрела кабриолет, который мне предлагали, когда искала машину, пусть даже помятый, с поцарапанным бампером и передней дверью.

Лошадь шла тихо, похрапывая и помахивая хвостом; стук копыт эхом отскакивал от домов и возвращался, но кроме этого стука в городе не слышалось ни звука.

Я насторожилась. Город был мертв. Ни одного движения не наблюдалось на его улицах. Мы проехали приличное расстояние, но нам навстречу не попалось ни одного человека, ни одной бродячей собаки или кошки. Не слышалось даже пения птиц.

Мой собеседник всю дорогу молчал, умело управляя повозкой. По направлению я догадалась, что колесим мы в сторону главной городской магистрали и набережной.

Когда наша повозка вынырнула из переулка старого, некогда богатого квартала, и повернула на проспект, удивлению моему не было предела – здесь тоже было абсолютно безлюдно, да

и город изменился до неузнаваемости. Куда пропали все высотные современные здания, огромные светлые торговые центры, банки и рестораны? Да и сам проспект превратился в обычную, чуть более широкую, чем переулок, улицу.

Набережная тоже выглядела иначе. Вместо двухэтажного, красивого, современного здания с большими, светящимися буквами «Речной вокзал» на плоской крыше, стоял аккуратненький железный дебаркадер с двухэтажной деревянной надстройкой над ним, что являлось причалом для появившихся в девятнадцатом веке двухэтажных пассажирских пароходов и более низких судов, и перекинутым к нему с крутой насыпи деревянным мостком без перил.

По обе стороны от причала, на пологом берегу, веерообразной россыпью ночевали лодки рыбаков и простых горожан.

Но и здесь не было ни души.

Мы оставили двуколку на дороге и пешком спустились к реке.

Мой спутник опустил руку в воду и попросил меня сделать то же самое.

Я наклонилась и намочила пальцы, надеясь почувствовать приятную прохладу, даруемую водой. Но ничего не почувствовала. Совершенно ничего. Ни приятного холодка, ни течения воды, которое бы ласково ударялось о ладонь, и, плавно обтекая и лаская ее, несло свою вековую прохладу дальше.

В недоумении я проделала этот жест несколько раз, а мой попутчик сорвал красивый крупный цветок, растущий на берегу, и протянул мне.

Я поднесла его к носу в надежде уловить запах пыльцы, поля и травы, но не ощутила даже запаха пыли.

В полном недоумении я перевела взгляд с цветка на мужчину и вздрогнула, он сейчас был жутко похож на Арсения Матвеевича, и мне на минуту показалось, что это именно он, только молодой.

Как такое могло быть? Да и все, что здесь происходило, не укладывалось в моем понимании.

Я больше не могла дожидаться, когда же мой спутник соизволит представиться, и решила взять инициативу в свои руки.

– А ведь я до сих пор не знаю, как зовут вас...

Мужчина взял мою руку, склонился над ней и поцеловал. Сделал он это так же, как и его отец при встрече в парке.

Я в испуге отдернула руку. Моя догадка показалась мне сейчас единственно реальной в этом нереальном мире, и я бросилась прочь отсюда.

А вслед доносился приятный, головокружительно чарующий голос, который звал:

– Аэлита! Аэлита! Вернись!

Глава четвертая

«Папа, папочка! Зачем ты идешь туда?! Не ходи! Не надо!» – кричала я вслед уходящему в пустоту отцу.

Я стояла на противоположной стороне переулочка, на самой кромке вымощенной мостовой, а прямо передо мной, напротив, возвышался огромный дом с зияющей багрово-черной дырой вместо двери. Дом был тоже черным, то ли от пожара, то ли от времени, крыша, казалось, вот-вот рухнет и накроет стоящего на крыльце отца. А он, задумавшись о чем-то, не двигался ни вперед, ни назад. Казалось, будто он размышляет, стоит не перед входом в здание, а перед выбором – идти вперед или остаться с нами.

Но видимо желание идти вперед сильнее, он не в силах противостоять ему. Папа решается и делает шаг в пустоту.

Крыша с ужасающим и пугающим треском обваливается, поднимая в воздух клубы серой пыли, и закрывает навсегда вход в старый и страшный дом, поглотивший безвозвратно родного и близкого мне человека».

Этот сон мучил и мучил меня каждую ночь перед пробуждением. Один и тот же, он терзал, изводил и подталкивал искать ответы на множество вопросов, которые поставил передо мной этот самый дом.

Всю неделю, после работы, я просидела, закрывшись в своей комнате. Никуда не ходила, на звонки не отвечала, а подруги, скорее всего, потеряли меня. Но моя мама была несказанно рада такому повороту событий, что было понятно и без слов. Она порхала по дому, готовила вкуснятину, стараясь покормить меня получше, и все время напевала «Вальс Бостон», в душе надеясь, что все улеглось само собой и ее самые страшные опасения не оправдались.

Но я ничего не могла забыть, хотя очень и очень старалась. Старалась вообще не думать о том, что произошло: ни о доме, ни об Арсении Матвеевиче, хотя теперь я и не знала, как его называть, он был всего-то на несколько лет старше меня. Кто же он такой на самом деле? И что это за странный мир? Что происходит в нем?

Но больше всего мучил вопрос, куда пропал мой отец? А что если он застрял в этом незнакомом мире и блуждает там в одиночестве! И как связан Арсений Матвеевич с моим отцом?

Теперь-то я уже точно поняла, что тот старик, с которым общался папа, и тот, с которым познакомилась я, одно и то же лицо.

Да и образ этого молодого красавца не выходил из головы. Я помнила каждое сказанное им слово, каждый жест и взгляд. Не мог он оказаться убийцей моего отца. Да и сам он, возможно, оказался жертвой сложившихся обстоятельств, что и заставило его бродить в том замкнутом, мертвом мире. А что если он позвал меня, чтобы попросить о помощи, но я малодушно сбежала, испугалась, оставила его одного..., совсем одного...

И все-таки я должна вернуться туда, иначе я никогда не узнаю правды.

Но смущало одно, а что если мамины опасения и предостережения не случайны? Что если я уйду и забуду дорогу домой, если останусь навсегда в том призрачном, нереальном мире?

Но пока-то я возвращалась! Да и выбора у меня не было совсем – я должна найти отца и помочь своему новому знакомому.

Все необходимое поместилось в моей походной сумке с ручкой через плечо. Что еще пригодилось бы в том мире, я не догадывалась. Но ведь всегда можно вернуться за нужными вещами...

Но... Почему же отец не вернулся?

Последнее за что я ухватилась, чтобы положить в сумку была «Аэлита», и, остановившись перед дверью с книгой в руках, я подумала:

– А почему же отец не взял ее с собой? Ведь книга была ему так дорога!

Неужели он оставил ее, как подсказку мне или кому-то еще? И что если я тоже уйду и не вернусь? То тогда никто и никогда не узнает, где я и что со мной случилось?

Стало так грустно, тоскливо и очень одиноко.

Я нашла остро заточенный карандаш и на последней странице книги четко вывела в нужной последовательности все шесть адресов. И оставила «Аэлиту» на столе.

Песчаный переулочек встретил меня уже привычной тишиной и безжизненностью.

Было солнечно и безветренно. С перекрестка я видела до боли знакомый дом, но двуколки с лошадью рядом не наблюдалось.

Первое мое желание, сразу броситься туда, ушло на второй план; нужно было осмотреться в этом мире, привыкнуть к нему, чтобы хоть как-то ориентироваться. И я пошла по широкой, главной улице, вниз к реке.

Под горку идти гораздо легче, поэтому шла я быстро. Ничего не мешало мне разглядывать улочки и дома. Казалось, будто все просто замерло на какую-то долю секунды и вот-вот оживет, и в этом богатом районе города вновь засуетятся люди, по дорогам заскрипят экипажи, залают собаки, подует прохладный ветерок, закипит жизнь. Но ничего не происходило, только мои шаги эхом отдавались в звенящей пустоте квартала.

По дороге, практически на каждом шагу, мне то и дело попадались расположенные в первых этажах купеческих домов маленькие частные магазинчики, винные лавки, булочные, чайные, кофейни, смотрящие своими разноликими, разукрашенными витринами на проезжую улицу. Двери были распахнуты настежь и радушно приглашали покупателей войти.

Мне вдруг страшно захотелось есть и пить. И почему я не догадалась взять хоть что-то съедобное из дома, кроме маленькой шоколадки? Я целиком проглотила ее. Но шоколад еще больше спровоцировал жажду.

Мне сейчас вспомнился, расположенный в нескольких сотнях метров от нашего дома Гипермаркет, где ровными рядами на длинных полках от пола до самого потолка стояли различные напитки в бутылочках, баночках и тетропаках.

От этого воспоминания жажда разгорелась еще сильнее, и я зашла в ближайшую ко мне кофейню, в надежде, что там можно найти что-нибудь съедобное или хотя бы питьевую воду.

Каково же было мое удивление, когда, зайдя внутрь, я увидела чистые, накрытые белыми скатертями столики, а прилавок ломился от всевозможных вкусов. На одном из столиков дымился горячий кофе, а рядом лежала витая булочка, посыпанная сахарной пудрой.

Казалось, что кофейня только-только открылась, а первый посетитель, сделав заказ, куда-то отлучился на минутку.

Но так как никого за столиком и во всем помещении не оказалось, я со спокойной совестью решила, что это пиршество приготовлено для меня, прихватила с прилавка еще парочку мягких и аппетитных булочек и присела за стол с горячим кофе.

И первая мысль, проскользнувшая в голове, звучала так: «Это какой-то рай на земле! И пусть здесь нет никого, но это – самое настоящее волшебство! Да, кажется, я попала в сказку!»

Но ощущение сказки моментально закончилось, как только я откусила кусочек от булочки. Она была мягкой, свежей, но абсолютно безвкусной, как и кофе, который дымился рядом. И как я могла совершенно забыть об этой особенности странного мира, так поразившей меня при прошлом посещении – здесь совершенно отсутствовали какие-либо ощущения. И это раздражало, выводило из себя... И я поймала себя на мысли: а можно ли к такому привыкнуть вообще? Все-таки как много для людей значат вкусовые и тактильные ощущения!

Я все равно доела булочку и допила кофе, представляя, какими вкусными они были бы в моем мире, и хотя никакого чувства удовлетворения это не принесло, но голод потихоньку стал отступать.

Выходя из кофейни, я обратила внимание на часы с кукушкой, которые висели на противоположной от прилавка стене. Часы показывали ровно восемь, большая стрелка на двенадцати, и в эту самую секунду кукушка просто обязана была оповестить о точном времени, выкрикивая свое механическое «ку-ку», положенное количество раз. Но кукушка молчала и безучастно поглядывала из приоткрытой дверцы на происходящее в кофейне. Часы явно были сломаны.

Я достала телефон из сумочки, но он также показывал ровно восемь. Странно. По моим подсчетам, я находилась в этом мире уже достаточно долго, и времени должно было быть гораздо больше... Часов десять, не меньше...

Мысленно поблагодарив хозяев, пусть даже невидимых, я покинула гостеприимное заведение и пошла вниз по улице дальше.

Солнце медленно уплывало за горизонт, становилось темнее и темнее с каждой минутой, но мне не бросилась в глаза ни одна деталь, которая указывала бы на присутствие в этом мире моего отца или кого-либо еще.

Потихоньку усталость подкрадывалась ко мне. Я чувствовала, что пройти еще столько же, чтобы вернуться домой, у меня просто не хватит сил и нужно искать безопасное место для ночлега. Ведь абсолютно неизвестно что в этом мире происходит в темное время суток, и какие опасности могут подстергать.

Уже давно роскошные дома богачей сменились одноэтажными домами простых горожан, а каменная мостовая – обычной насыпной дорогой. Этот район был беднее, высокие заборы и замысловатые ворота сменились низкими оградами, а маленькие, но ухоженные палисадники были куда скромнее своих роскошных собратьев. Но один домик мне приглянулся. Он выглядел небольшим, но надежным, с крепкими, прочными ставнями и массивной дубовой дверью; и если закупориться в нем на ночь, можно безбоязненно пережить темное время суток.

Я снова посмотрела на экран своего смартфона. Он еще не разрядился, но стало понятно, что телефон здесь вещь бесполезная: связи не было, а часы все также показывали ровно восемь.

Становилось совсем темно, и надо было поторапливаться.

Я подошла к низенькой калитке и положила руку на деревянную перекладину.

И в эту самую минуту, чья-то большая и сильная рука предупредила мое движение открыть калитку и войти внутрь. А взволнованный мужской голос резко остановил:

– Нет! Не входи! Этого делать нельзя!

От испуга у меня подкосились ноги, тело обмякло и поползло вниз.

Помню, как крепкие и надежные руки подхватили меня и понесли прочь от так приглянувшегося мне дома.

В коляске я потихоньку стала приходить в себя. Открыв глаза, я увидела, как мой новый знакомый управляет двуколкой и иногда оборачивается назад посмотреть – все ли в порядке со мной. Двигались мы вверх по улице, в сторону переулка Песчаного.

Я разглядывала молодого мужчину со спины и думала: «А можно ли доверять ему? Ведь внешность иногда бывает обманчива». Но сердце говорило об обратном.

Подъехав к дому №14, мой попутчик спрыгнул с повозки и поинтересовался:

– Аэлита, как вы? Можете идти?

Так и хотелось возмутиться: «Я же не старая бабулька, чтобы еле ходить». Но припомнив недавние события, как я добиралась до двуколки, смутившись, ответила:

– Да, наверное, смогу.

Солнце уже совсем спряталось за крышами домов, на город спустились серые, лохматые сумерки, а в доме №14 в переулке Песчаном было уютно и светло.

Покои, которые мне любезно предоставил Арсений Матвеевич, располагались на верхнем этаже, по левую сторону от библиотеки, и занимали почти всю его половину. Здесь была и спальня с широкой деревянной кроватью с пологом и высоким подголовником, декорированным золотом, зеркальным резным столиком, маленькой танкеткой около него и шкафом, который тоже был в полном моем распоряжении. И красивая гостиная, украшенная мебелью в стиле «Рококо». И самое главное – огромная ванная комната, что было крайне приятно.

И немаловажно, что покои эти принадлежали девушке или молодой женщине, что сразу читалось по убранству и вещам, выдающим с одного взгляда хозяина.

Комнаты Арсения располагались прямо под моими, на первом этаже, рядом с кабинетом и холлом. И, как я поняла из разговора, кроме нас двоих в доме больше никого не было, ни других жильцов, ни прислуги. Так что передвигаться по дому я могла свободно, кроме правой половины второго этажа, откуда вела лестница в башенку со стрельчатыми сквозными арками. Это единственное место, куда мне, по настоянию хозяина дома, ходить не следовало.

Почему? Расспросить в этот же вечер я не осмелилась, да и очень устала.

Закрыв за собой дверь в мои временные апартаменты, я заперла ее на ключ, а вдруг хозяин окажется маньяком или вампиром, и упала прямо в одежде на мягкую и чистую постель лицом вниз.

Проснувшись я точно в таком же положении, в каком и заснула. И естественно вся моя одежда, как и лицо, изрядно помялись, а спускаться в таком виде вниз было крайне неудобно.

Открыв дверцу шкафа, среди чистых и накрахмаленных платьев, какие носили кисейные барышни в конце 19-го – начале 20-го веков, я отыскала подходящее для меня летнее, светлое, ситцевое платье попроще, в мелкий цветочек, с пуговицами на груди, и удобные кожаные туфельки на низком каблучке. Платье оказалось неожиданно длинным, по моде тех лет до самого пола, но оно было симпатичным и вполне комфортным в движениях.

Приняв ванну и заколов свои длинные волосы красивым и вероятно очень дорогим гребешком, я облачилась в платье и отправилась вниз.

Но выйдя в коридор, не сдержалась, проскользила мимо лестницы и направилась в сторону двери, которая вела во вторую половину этажа.

Дверь оказалась закрыта изнутри на ключ, поэтому даже заглянуть в замочную скважину не представлялось возможности. Кто-то находился в комнатах за дверью, но кто? Ведь в доме не было никого кроме нас двоих, да и, похоже, что и во всем городе тоже. По спине пробежал холодок, я прислушалась...

Но тут ключ в замочной скважине уверенно повернулся и дверь отворилась.

В дверях появился Арсений, как всегда, ухожен и одет с иголочки. Увидев меня, он растерялся, а его удивление от неожиданного столкновения, сменилось еще большим от моего внешнего вида. Он явно не ожидал встретить гостью в таком наряде и с интересом разглядывал меня с ног до головы. Я даже пожалела, что не нашла в шкафу платья посвободнее, а выбрала именно это, в талию, плотно облегающее верхнюю часть фигуры.

Но видимо мой внешний вид очень понравился мужчине, что он даже забыл о том, что мы встретились под дверью, запрещенной для посетителей части здания.

Закрыв дверь на ключ, он предложил мне спуститься вниз на завтрак.

– Вы прекрасно выглядите Аэлита, – сказал Арсений, придерживая меня за руку и помогая спуститься по лестнице. – Вам невероятно идут платья другой эпохи.

Ощущение, что я попала в какую-то сказку, не покидало меня с самого утра. А главной и основной причиной этого был хозяин дома. Глядя на него можно было забыть обо всем на свете и даже о том, зачем я здесь, в этом мире.

Но я не могла позволить себе забыть...

– Вы мне расскажете, что происходит здесь? – спросила я после завтрака, – И откуда берется вся эта еда? Ведь у вас нет прислуги и готовить здесь некому. Вы волшебник?

Арсений даже улыбнулся на мои слова, но только чуть-чуть, одними глазами.

– Если честно, за много лет пребывания в этом мире, я еще сам не во всем разобрался. Это сложно объяснить, но я попробую, – начал он. – Все, что вы видите здесь – это всего лишь игра времени, только миг, какая-то ничтожная доля секунды, настолько малая, что мы с вами не видим и не улавливаем происходящего вовне. Все, что нас окружает: этот дом, мебель, одежда, это все принадлежит кому-то, вернее принадлежало. Люди жили или живут, они готовят, делают уборку, работают, шьют, торгуют, но они – только что прожили эту долю секунды и прошли дальше. И все в их жизни идет своим чередом. Но вот этот миг сохранился, образовался так называемый карман времени, иными словами – Безвременье. И мы с вами попали в него. Вы совсем недавно – я уже достаточно давно.

Он опустил глаза, будто чувствовал свою вину в случившемся со мной. Хотя, скорее всего, так оно и было.

– Но вся разница в том, что вы, Аэлита, можете в любое время вернуться домой и окажетесь в том месте и в том времени, когда попали сюда. Это никак не скажется на вашем возрасте. Если, конечно, не нарушать некоторых правил, – и добавил после небольшой паузы, – В отличие от меня. Я, похоже, застрял здесь навечно.

– Если пребывание в этом так называемом кармане не сказывается на возрасте в реальном мире, тогда почему вы выглядели на столько лет старше, когда мы познакомились?

– Все потому, что я не из вашего времени и даже не из вашего мира. Как бы я не был одет и как бы хорошо не выглядел, попадая к вам, я становился намного старше, а одежда изношеннее, чем на самом деле. Но мне нужны были вы... – он замолчал и опустил голову.

– Тогда почему вы при первой встрече не сказали мне правду? Почему прямо не попросили о помощи?

– Аэлита, простите меня, но я не мог сказать прямо, это одно из непреложных правил этого мира. Вы должны были сами найти путь в Безвременье, я мог только чуть подтолкнуть, что я и сделал, передав вам книгу.

– А моему отцу?! Ведь вы и ему дали книгу?!

Возмущение накатывало разгоряченной, обжигающей волной.

Он опять опустил глаза и тихо сказал:

– Так было нужно.

Я готова была накинуться на него с кулаками. Он, этот совершенно непонятный мне человек, оказался виновником всех наших бед и несчастий, моего и маминого одиночества. И он сидел сейчас передо мной, как ни в чем не бывало, такой поникший, но все равно гордый и красивый. И что теперь? Я должна поблагодарить его?

– Нужно кому?! Для чего?! Вы понимаете, что украли у меня отца?! Меня воспитывала одна мама, она уже 15 лет думает, что он бросил нас или погиб! Я пришла сюда не из-за вас! – с болью в сердце выкрикнула я, – Я пришла найти своего отца! И я найду его, во что бы то ни стало!

И, резко вскочив из-за стола, понеслась вверх по лестнице в свои покои.

– Он жив, Аэлита! Он, здесь! – доносился вслед его чарующий голос.

– Аэлита, – спустя пару часов, я услышала через дверь его приятный баритон. – Я жду вас в своем кабинете, спускайтесь. Прежде, чем мы пойдем искать вашего отца, вам нужно запомнить определенные правила. В этом мире нужно хорошо ориентироваться и я помогу разобраться в нем.

Как бы я ни была возмущена и как бы ни сердилась на Арсения, но сидеть в запертой комнате ничего не делая и не предпринимая – был не мой вариант. Отец всегда повторял мне в детстве две пословицы: «Время – золото» и «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня». И я всегда старалась следовать им.

Так и сейчас, я собралась с мыслями и, полная решимости, спустилась вниз.

Арсений стоял в дорогом прогулочном костюме около одной из многочисленных книжных полок и что-то искал. Когда я показалась в дверях кабинета, он любезно пригласил меня присесть на одно из пары удобных, мягких кресел с подлокотниками, расположенных чуть поодаль от письменного стола.

От такой любезности меня даже передернуло, но я старалась сохранять спокойный и хладнокровный вид. И как бы ни хотела сейчас накинуться на него, вцепиться в это необычайно красивое лицо, но я пока потерплю и выслушаю все, что он мне скажет.

И Арсений начал свой рассказ:

– Аэлита, вы можете представить себе бесконечную Вселенную? Абсолютно бесконечную, без начала и конца?

Тут я задумалась. Всегда ранее, когда я слышала об этом и старалась хоть на минуту представить эту самую бесконечность, я почему-то видела ее все время в каком-то замкнутом пространстве, в объемной фигуре, а конкретнее в кубе. А далее, за пределами этого куба, уже не представлялось ничего.

Я помотала головой и он продолжил:

– Так вот в этой бесконечной Вселенной существует такое же бесконечное множество миров, их настолько много, что представить это также невозможно, но это факт. Эти миры никогда не пересекаются и не пересекутся. Но у каждого мира существуют вот такие временные карманы, которые выпадают из обычного течения времени. И таких карманов может быть не один и даже не два.

– И вот теперь, Аэлита, представьте себе огромную паутину. Так вот, эти временные карманы находятся в одном измерении – я его называю Безвременье, официальное и общепринятое Вселенским Сообществом название Вневременность (Timelessness), и поэтому они связаны между собой, соединены тонкими нитями, как в паутине – определенными путями.

– Вы хорошо помните, как попали сюда? – и, не дожидаясь ответа, продолжил, – Вы проделали определенный путь и когда возвращались отсюда прошли этим же путем, но только

в обратном порядке. Это ваша дорога отсюда в земной мир. Но нельзя забывать, что миров множество, а этот карман всего лишь одна из точек пересечения вот таких путей. И отклонившись от своего пути можно попасть в другой, похожий на этот карман, а затем и в совершенно иной мир. А вот, чтобы вернуться назад в тот, первоначальный карман, из которого можно попасть в свой мир, нужно проделать весь этот же путь абсолютно точно, иначе можно оказаться в третьем кармане, откуда шансы вернуться домой, в свой мир, будут равны нулю.

Арсений сел в кресло напротив и опустил голову.

– Вот так я и попал сюда много лет назад... Какой это карман по счету? Я не могу сказать, да и после третьего считать и пытаться что-то изменить уже не имеет никакого смысла – ты оказываешься все дальше и дальше, а шансов попасть в родной мир все меньше и меньше.

В его голосе слышалась невыносимая боль и горечь утраты:

– Жажда путешествий всегда манила меня, мне нравилось открывать и исследовать новые миры, но я увлекся. И, видимо, где-то допустил ошибку...

– А потом я открыл для себя ваш мир, и он стал мне вторым домом. Я полюбил его, как свой родной. Мне нравится все: ваш климат, воздух, особенно дожди, снег, вода, ваша еда – она безумно вкусна. А больше всего, я полюбил вашу литературу. Любая книга – это целый мир, жизнь и вселенная. Ничего подобного нет у нас. Хотя наш мир намного цивилизованнее, чем ваш, но мы что-то упустили, что-то потеряли. Что-то очень важное. Я бы очень хотел остаться в вашем мире. Но не могу... По воле Вселенной у вас я становлюсь гораздо старше и, если останусь, то скоро умру. Поэтому я живу здесь, один, в этом временном кармане, и иногда навещаю вас.

– А больше всего я люблю сидеть в парке вечерами и читать книги, благо, что здесь их очень много...

– И вот в один из таких вечеров у меня появился настоящий друг. Я познакомился с ним, так же как и с вами, Аэлита, на автобусной остановке. Мы были одного возраста, только выглядел я гораздо старше, и у нас оказались похожие интересы: это книги и тяга к путешествиям, к открытиям. Мы подружились. Он был очень и очень сообразительным, с хорошей памятью, ясным и подвижным умом. И мне захотелось открыть ему все то, что знаю я.

Он посмотрел на меня такими несчастными глазами, и в них читалась такая боль двойной утраты – своего родного мира и лучшего друга, что вылить на него сейчас свое возмущение и гнев у меня не хватило бы духу.

– Это был ваш отец Аэлита.

Об этом я уже догадалась и без слов.

Его боль коснулась и моего сердца, она передалась мне, как прикосновение. И я прочувствовала то, что только вскользь коснулось меня в детстве, что только задело и прошло мимо, потому, что мама приложила все усилия, чтобы я не так трагично пережила потерю отца. Она делала все возможное и даже невозможное, и это я поняла только сейчас в этом странном мире.

А его боль была настолько сильной и мучительной и разрывала сердце. И ведь действительно, как тяжело жить с мыслью о том, что ты один, совершенно один в этом лабиринте бесконечности, и нет никакого выхода отсюда, и никто, совершенно никто не протянет руку помощи, просто по одной причине, что сделать этого *некому!*

Глава пятая

И началось мое обучение... Иногда мне было даже смешно... Казалось, что я совсем маленькая и меня учат, как переходить дорогу, как держать вилку и ложку, и самое главное, на случай если вдруг потеряешься, свой домашний адрес.

Конечно, вроде бы все легко, ничего сложного... Но здесь это все было гораздо запутаннее... Да и учитель был настолько хорош, что я с каждым днем испытывала к нему все большую привязанность и симпатию. И, конечно же, моя влюбленность мешала мне в обучении, но ничего поделать со своими чувствами я не могла.

Арсений тоже радовался моему присутствию рядом, он все дольше держал мою руку в своей, все длиннее были наши беседы, а вечерами мы все дольше засиживались в библиотеке.

А каждое утро я находила под своей дверью букетик удивительных розово-лиловых цветов, которые напоминали мне подснежники, и каких я ни разу в своей жизни не видела.

С каждым днем мы становились ближе. Я постепенно начала забывать о своем мире, и стала привыкать к этому, а основной причиной был он – этот удивительный мужчина с внешностью древнегреческого бога, такой загадочный и родной, словно я знала его всю жизнь, а возможно и ранее.

Постепенно мы перешли на «ты», а расстояние между нами становилось короче и короче.

Как оказалось, в кармане нашего земного мира можно было жить и даже вполне комфортно, только нужно соблюдать определенные правила, но и к ним я стала постепенно привыкать.

Если в обычном мире мы перемещаемся не только в пространстве, но и во времени, и наши перемещения не изменяют окружающей нас реальности, и мы всегда можем вернуться в ту же точку, из которой переместились, только уже в другой промежуток времени, то здесь в Безвременье основными точками и начального отсчета, и движения являются именно пространственные значения, а конкретнее, в этом временном кармане – это каждый дом на улице.

И если ты не хочешь выпасть из своего кармана, то ты каждый раз должен, посетив какой-нибудь дом, сразу возвратиться в ту точку, откуда начал свой путь. А именно, в моем случае, всегда в переулок Песчаный 14!

Теперь я поняла, почему Арсений не позволил мне зайти в дом с маленьким палисадником, который мне так приглянулся. Когда утром я вышла бы из него, то оказалась совершенно в другом кармане, а так как еще ничего не понимала и не разбиралась в здешних правилах, дорогу назад не отыскала бы никогда.

Этот дом Арсений и выбрал для первого наглядного урока по ориентации.

Мы полностью повторили путь, который проделала я в прошлый раз: сначала посидели в кофейне, затем пешком спустились вниз по улице до того деревянного дома.

Арсений отворил калитку, и мы вошли в дом. Внутри было так же просто, как и снаружи, и сравнив обстановку здесь и в моих апартаментах на Песчаной, я искренне порадовалась, что он не позволил мне остаться в этом доме.

Когда мы вышли на свежий воздух, глаза ослепил невыносимо яркий свет. Я даже прикрыла лицо руками, настолько нестерпимо было смотреть на залитое знойным, лучистым, огненно-желтым солнцем пространство после спокойного полумрака, царившего в доме.

Немного по привыкнув к столь яркому свету, я отвела руки и открыла глаза.

– Не бойся, пойдем. Здесь мы не заблудимся, я очень хорошо знаю эти пути, – уверил меня Арсений и, взяв за руку, повел в ту сторону, где должна была быть улица.

Но улицы как таковой не наблюдалось.

Дома, абсолютно одинаковые, один похожий на другой, с такими же прочными ставнями и дверями стояли в беспорядке то тут, то там, и будто прятались за огромными валунами, окруженные высокими исполинскими деревьями с голыми стволами и кронами, раскинувшимися так высоко, что с земли их было трудно разглядеть.

Дороги, если таковыми можно было считать проторенные тропы, вели от дома к дому. Местность была холмистой и, в основном, каменистой. Кое-где из-под камней пробивалась пучками редкая, высокая трава, а больше ничего разглядеть в первые минуты я не успела.

Спускаясь по одной из троп, мы завернули за холм, и моим глазам открылся удивительнейший вид. Я сначала не поняла, что передо мной. Серые холмы вдруг окрасились в розово-лиловый цвет, словно на них набросили разноцветные, однотонные, шелковые покрывала.

Присмотревшись, я чуть не взвизгнула от восторга – это были те самые удивительные цветы, которые каждое утро я находила у себя под дверью.

– Что это за цветы? Они цветут только в этом мире?

– Это – Безвременник, он цветет во всех временных карманах. Этот цветок – символ Безвременья и одна из его отличительных черт. А вторая – то, что ты уже знаешь – здесь нет никаких ощущений: ни запахов, ни вкусов. Но у карманов есть и один большой плюс – в них относительно безопасно, в отличие от оригинальных миров. Конкретно, вот в этот мир, копией которого является этот карман, нам с тобой лучше не попадать, не зря дома здесь такие крепкие. Не будем рисковать, нужно возвращаться домой.

Я нарвала целую охапку цветов, чтобы украсить дом, но в эту самую минуту мне больше всего на свете захотелось ощутить их запах. И не только... Захотелось почувствовать легкое прикосновение ветерка, приятную прохладу воды, ощутить горьковатый вкус кофе и приятный аромат ванили в булочной.

Я поднесла букет к лицу и вдохнула полной грудью, в надежде уловить аромат этих чудесных цветов. Но, просто выдохнула с грустью.

И, конечно же, все это не ускользнуло от моего попутчика, хотя меньше всего мне хотелось, чтобы Арсений понял, что я все-таки тоскую о своем мире.

Его лицо стало вдруг сосредоточенным, он резко развернулся и быстро зашагал в сторону деревянного дома.

Он несясь впереди меня, чуть ли не бежал, я еле-еле успевала за ним с охапкой цветов и в платье до земли.

Мы проделали длинный путь: сначала из солнечного кармана в свой, а затем каким-то запутанным путем, в совершенно другой карман. Шли долго и молча, и я даже испугалась – неужели ненароком чем-то обидела его.

И в этом новом кармане я тоже заметила растущие вокруг безвременники, только немного другого лилового оттенка, более насыщенного.

Мы пробирались через заросли высоких кустов, похожих на цветущую сакуру, с мелкими нежно-зелеными листочками и такими же мелкими бледно-розовыми цветами, и вышли на залитый солнцем берег небольшого озера.

Странные, крупные насекомые размером с воробья летали над водой, но нас не трогали и не нападали. Мелкие лепестки с кустов густо осыпались и, плавно покачиваясь туда-сюда, опускались на молодую траву такого же цвета, как и листья деревьев, и воду, и от этого вода казалась розовой.

Арсений остановился, и я увидела, как у него вздымается грудь, будто забирает в себя побольше свежего воздуха. И только сейчас поняла, что это настоящий, живой мир, где дует ветер, летают насекомые и главное – я чувствовала аромат, настоящий аромат, исходящий то ли от розовых кустов, то ли от букета безвременников, которые я так и держала в руках.

Я подошла к воде, разулась и наступила на мягкую, молодую травку, устилающую берег ровным ковром. В душе всколыхнулись ощущения, которые уже стали потихоньку забываться.

Я посмотрела на Арсения «Можно ли намочить ноги?»

Он одобрительно кивнул.

Вода в озере была теплой, даже слишком, как парное молоко, но ступни ног ощущали живительную влагу. Ветерок был ровным и мягким, слегка освежающим, я закрыла глаза, чувствуя его легкие прикосновения.

Но кроме ветерка я почувствовала и другое прикосновение, такое нежное и трепетное. Арсений провел пальцами по ситцевой ткани платья на моей руке от плеча до запястья, а затем уткнулся носом в мои поднятые и собранные на затылке волнистые волосы, растрепавшиеся от долгой ходьбы и пробивание через кусты, и глубоко вздохнул, словно хотел полностью вдохнуть меня вместе с платьем и заколкой.

Я замерла, тепло от его дыхания и рук разливалось по телу, что-то сказать или пошевелиться, чтобы остановить эти движения, не было сил. Он начал целовать затылок, шею, а его руки медленно расстегивали пуговицы на платье, оголяя плечи.

– Ты пахнешь лучше всех цветов, которые я когда-либо видел во вселенной, – шептал он, разворачивая меня сильными руками к себе лицом, продолжая осыпать поцелуями. – Ты сводишь меня с ума с самого первого дня, как мы встретились.

Мы медленно опускались на мягкий ковер из травы. Одежды на нас становилось все меньше, его атлетическая фигура притягивала и манила, а пальцы сами скользили по разгоряченному телу, изучая и запоминая каждый миллиметр этого красивого и идеального мужчины, непонятно откуда свалившегося на меня, о котором я мечтала всю свою жизнь.

Мы не заметили, как огромный солнечный диск закатился за холм, и стало резко холодно и сыро. Насекомые-воробьи попадали на ковер из травы и с жутким писком и скрежетом поползли по траве, пожирая все, что было перед ними.

– Сейчас здесь все изменится, надо уходить, – сказал Арсений, резко соскакивая на ноги.

Я заторопилась и, поднимаясь на склон холма по сырой траве, поскользнулась и покатилась вниз. Насекомые наступали со всех сторон, не оставляя за собой ничего кроме голой земли. Заколка слетела с головы, и волосы разметались по траве. Я услышала металлический скрежет и, обернувшись на звук, увидела, как насекомое-воробей, одновременно похожий и на жука, и на осу, своими огромными и мощными челюстями перемалывает мою заколку так легко, будто она сделана из мягкого материала, и ни на секунду не затормаживая своего движения, подбирается к моему лицу. Я закричала.

Сильные и родные руки рывком подхватили меня с земли и легко, и быстро понесли прочь из этого опасного мира. Иногда я слышала неприятный звук раздавленных насекомых, от воспоминания о которых меня начинало трясти. Я обхватила Арсения руками за шею, прижалась всем телом и закрыла глаза, опасаясь увидеть что-нибудь еще более жуткое.

Открыла я их только после того, как перестала чувствовать запахи и холодный сырой ветер, когда мужчина поставил меня на землю и, обхватив голову руками, начал горячо целовать лицо, нашёптывая при этом:

– Прости, прости меня! Я словно сошел с ума! Я потерял чувство реальности! Я подверг тебя опасности! Родная моя!

Я отвечала на его поцелуи жарко, не отнимая рук с его шеи, и еще сильнее прижимаясь к нему.

И только губы шептали иногда: «Люблю... Люблю...»

Ночью у меня начался сильный жар. Дико ломило тело, и сильно болела голова. Настолько сильно, что я даже не могла открыть глаз, а уж о том, чтобы пошевелиться и речи быть не могло. В ушах стоял шум, а каждый звук невыносимой болью отдавался в голове. И кроме этого я больше ничего не помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.